
18+
АНДРЕЙ КЛИМАШИН
КАРАНТИН
ПОДЗЕМКА 67
КНИГА ПЕРВАЯ

Андрей Климашин

Подземка 67. Книга первая

«Издательские решения»

Климашин А. И.

Подземка 67. Книга первая / А. И. Климашин — «Издательские решения»,

Москва, 2067 год. После эпидемии люди живут в метро. Нападение на медицинский конвой и исчезновение двух контейнеров заставляют молодого помощника врача Степана отправиться по опасному следу. Вместе с Дианой он проходит чужие станции, раскрывает тайны перевозки и приближается к разгадке, способной изменить их представления о мире.

© Климашин А. И.
© Издательские решения

Содержание

Глава первая. Ни один не отказал 6
I 6
II 8
III 10
IV 12
V 14
Глава вторая. Тринадцать дней 16
I 16
II 18
III 19
IV 21
V 23
VI 24
Глава третья. Общий воздух 26
I 26
II 28
III 31
IV 33
V 35
VI 36
VII 38
VIII 40
Глава четвёртая. Чужой допуск 42
I 42
II 44
III 47
IV 49
Конец ознакомительного фрагмента. 51

Подземка 67. Книга первая

Андрей Игоревич Климашин

© Андрей Игоревич Климашин, 2026

ISBN 978-5-0071-6295-1 (т. 1)
ISBN 978-5-0071-6296-8
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава первая. Ни один не отказал

I

— Сколько вернулось?

Борис спросил это у дверей медицинского отсека. Люди перед перегородкой расступились, и он увидел тележку. Ответа можно было уже не ждать.

Степан только что вскрыл пакет с бинтами — готовился к обычному вечернему обходу. Теперь стоял с ним в руках и не мог сообразить, куда положить. Стол был чистый. Пока ещё.

— Трое, — сказал человек из сопровождения. — Нас было четверо.

Тележку вкатили боком. Одно колесо выворачивалось наружу и чертило на плитке мокрую чёрную полосу. Мужчина в разодранной куртке сидел на раме, прижав ладонь к левому боку. Двое шли позади: у одного кровь запеклась на виске, второй держал пустой чехол от рации. От чехла тянуло палёной изоляцией.

— Где четвёртый? — спросил Борис.

Человек с пустым чехлом посмотрел на товарища. Тот отвернулся. Ответить не смог ни один.

Борис не повторил вопроса.

— Степан, готовь стол. Перегородку закрой. Вы двое — к охране, расскажете всё дежурному. И уведите отсюда людей. Горячая вода нам понадобится, любопытные — нет.

Пострадавшего Степан узнал, когда тот попытался слезть с тележки. Семён, сопровождающий с Курской. Месяц назад он уверял Бориса, что обгонит дрезину на перегоне, если с него снимут казённые ящики. Борис предложил, наоборот, добавить ещё один. Тогда Семён смеялся громче всех.

Теперь каждый шаг ему приходилось выговаривать сквозь зубы.

— Не вздумай геройствовать, — сказал Борис, придерживая его за плечо. — На героев у нас отдельной палаты нет.

— Не геройствую. Просто домой пришёл.

— Вот и оставайся здесь. Пока мне не надоест.

Степан подставил Семёну под ногу ступеньку и принялся стягивать куртку. Ткань прилипла к боку. Он потянул — Семён дёрнулся так, что тележка ударилась о стол.

— Ножницами, — сказал Борис. — Одежда новая вырастет, кожа — вряд ли.

Степан метнулся к шкафчику, но ключ не вошёл в замок. Он повернул его ещё раз, слишком резко. Ключ звякнул о дверцу и упал на пол. Пока Степан шарил под шкафом, на белой простыне расползалось пятно крови.

— Посмотри на меня, — негромко сказал Борис.

Степан поднял голову.

— Скажи, что нужно сейчас.

— Разрезать куртку. Подать зажим. Остановить кровь.

— Верно. На остальное потом потратишь время. Сейчас его нет.

Степан нашёл ножницы.

Под кожей Семёна сидел неровный осколок металла — явно не пуля. По ржавым краям трудно было понять, что это: крепёж, обломок дверной петли или часть тележки. Борис осмотрел рану и велел Степану держать свет ниже.

Семён следил за инструментом в руке Бориса. Потом уставился в потолок, будто там было что-то, чего врачи не замечали.

— Они нас ждали.

Степан поднял взгляд от раны.

— Кто?

— Люди. У служебного поворота. Сначала погас свет, потом из темноты велели бросить оружие. И сразу сказали, что им нужно: две медицинские коробки. Обе. Ни деньги, ни рацию не спросили.

Он сглотнул. На шее под воротником выступил пот.

— Даже номера пломб называли. Будто перед глазами держали нашу накладную.

Борис не прервал работу.

— Сколько их было? Знаки заметил?

— Троих разглядел. Один в светлой маске, двое в тёмных. Может, там ещё кто стоял. Когда свет вырубили, не до счёта было.

Борис кивнул Степану, чтобы тот сменил салфетку. Допрос он не продолжил.

— Вы слышите? — упрямо спросил Семён. — Они не наугад нас остановили.

Семён попробовал усмехнуться, но вместо этого стиснул зубы.

На рукаве куртки Степан заметил чёрную пыль. Не ту, что оседала на перчатках у каждого тоннельного рабочего: эта оставляла масляный след и пахла горелой резиной. Он хотел показать её Борису, но тот уже протянул руку за зажимом.

Когда Борис осторожно извлёк осколок, Семён вцепился Степану в запястье. От боли Степан едва не отпустил свет. Пришлось упереться локтем в стол и терпеть вместе с ним.

— Четвёртый, — сказал Семён.

Борис поднял глаза.

— Ты видел, куда он упал?

— У колеса. Потянулся за рацией, потом был выстрел. Мы побежали к своим, а он остался. — Семён набрал воздуха и поморщился. — Не пишите, что погиб. Слышишь, Борис? Мы не видели.

— Не запишем без подтверждения, — ответил Борис.

— Ты обещаешь?

— Обещаю, что его будут искать. А больше пока не стану обещать.

Семён не сразу отпустил руку Степана. Похоже, ему хотелось услышать другой ответ.

За перегородкой кто-то требовал пропустить его к раненым. Чужие голоса перешли на крик. Степан услышал, как охранник поставил приклад на пол, — и наступила короткая тишина.

— Я кое-что сохранил, — сказал Семён.

Он полез в подкладку разрезанной куртки. Степан помог ему достать сложенный вчетверо лист. Бумага отсырела от пота, угол был надорван, но две синие отметки сохранились.

— Ведомость? — спросил Степан.

— Копия. Оригинал забрали. Я спрятал, пока ящики с рамы снимали. В светлой маске один всё сверял пломбы. Другие уже орали, чтобы быстрее, а он считал и считал.

Борис забрал лист со стола, прежде чем на него успела попасть кровь.

— Это пригодится. Но сначала давай оставим тебя в живых.

Семён закрыл глаза, на этот раз не возражая.

— Они знали, что везём, — произнёс он, когда Борис отошёл к шкафу. — Зачем кому-то именно наши лекарства?

Степан мог бы ответить, что лекарства стоят дорого и на любом рынке найдётся покупатель. Но Семён всё ещё держал ладонь на перевязке, а рядом лежала куртка, разрезанная от плеча до пояса. Степан сказал только:

— Пока не знаю.

Осколок звякнул о металлический лоток. После этого звука Степан наконец заметил, как дрожат его собственные пальцы.

II

Через час на Бауманской опять торговались.

Семёна оставили под наблюдением. Степан вышел за водой и с неприязнью услышал смех у колонн. У лестницы женщина учила ребёнка писать на обороте старого бланка. Мастер спорил с покупателем о цене ремонта насоса. Пахло горячей крупой и влажной одеждой.

Ему хотелось, чтобы хотя бы сегодня люди говорили тише. Он сам понимал, насколько глупо этого требовать.

У раздатчицы стоял старик с жестянкой из-под лекарства. Он спрашивал, когда привезут стерильные повязки. Раздатчица трижды сказала: «Не знаю». На четвёртый раз мужчина лишь закрыл жестянку и ушёл. Степан проводил его глазами.

Смех у колонны уже не казался ему равнодушием. Людям и без того хватало причин молчать.

У меняльного стола двое рабочих проверяли капсы — бледные круглые таблетки с вдавленной буквой «К». Они пересыпали их с ладони на чистый лоскут. Старший надавил ногтем на одну таблетку, и край крошки отломился.

— Слишком крошится. Из старой партии?

— Через общий склад. Из центра. Пломба на мешке целая.

— Пломбу не глотать. Срок покажи.

Степан задержался на секунду. Капсы помогали организму сопротивляться заразе, но ими же расплачивались за еду, работу и проезд. Таблетку можно было проглотить или отдать торговцу. Оба решения иногда оказывались неправильными. Борис держал для медиков запас, к которому запрещал прикасаться без разрешения.

Партии поступали из закрытого правительственного сектора. Кто и в каком количестве их выпускал, на Бауманской не знали. Спрашивать об этом было всё равно что спрашивать, когда кончится эпидемия: у каждого находился ответ, но ни один нельзя было проверить.

У медицинского отсека мальчишка с ворохом выстиранных простыней едва не сбил его с ног. Одна простыня соскользнула, и Степан подхватил её.

— Борис тебя ищет, — сообщил мальчишка. — Сказал, если опять у стенда с контрактами зависаешь, он тебя к куртке пришьёт.

— Передай, что я принёс воду.

— Сам передай. Мне жить хочется.

Мальчишка убежал прежде, чем Степан придумал ответ. Улыбка вышла сама собой; он сердился на себя за неё и всё-таки не мог удержать.

Борис сидел за столом и рассматривал спасённую Семёном копию. Очки сползли на нос. Две пустые коробки от перевязочного материала он сдвинул к краю — Степан заметил, что Борис пытался вложить одну в другую, но остановился на полпути.

— Как Семён? — спросил Степан.

— Будет лежать. Если рана не воспалится, выкарабкается. Воды принёс?

— За водой ходил.

— Полагаю, сам источник теперь можно считать найденным.

Степан поставил чайник на плитку.

— На платформе уже решили, что нападавшие с внешних веток.

— А вчера решили, что у нас в вентиляции поселились крысы с человеческими голосами. Что из этого проверять первым?

Он повернул лист к Степану.

— Два контейнера, — сказал Борис. — В первом резервные препараты и перевязка, во втором — наборы для диагностики. Принимали их на Курской нашей линии. На обоих синие номерные пломбы. А вот здесь глянь.

Степан наклонился ближе. Возле маршрута чернила были другого оттенка, словно кто-то дописывал строку, когда основная ведомость уже высохла.

— Перепроверка? — предположил Степан.

— Так и названо: «перепроверка». Но кто делал её после передачи груза сопровождению — не указано. И отдельного листа нет.

— Значит, сопровождение подставили.

Борис снял очки. В другой день это означало бы длинную лекцию. Сейчас он только посмотрел на Степана.

— Ты уже решил? Быстро.

— Их ждали, знали пломбы. А здесь чужая отметка. Что ещё тебе нужно?

— Чтобы ты не перепутал подозрение с ответом. Я бы с удовольствием нашёл виновного сегодня. Но сначала выясним, что здесь написано.

Степану стало обидно не потому, что Борис его одёрнул. Он и сам заметил, как охотно ухватился за объяснение: с ним пропавший четвёртый словно становился ближе.

— Тебе легко говорить «выясним». Ты остаёшься здесь.

Борис помолчал. Затем придвинул лупу, не отвечая на укол.

— Смотри край листа.

Степан не сразу взял лупу. Было стыдно, но извиняться сейчас казалось ещё хуже.

На сгибе виднелись отпечатки с другого листа: одинаковые цифры оказались немного смещены. Одно поле тёрли резинкой так упорно, что бумага стала тоньше.

— Её исправляли?

— Возможно. Вот и узнаем, кто, когда и на каком основании. Семёна я сейчас мучить этим не буду.

Он отложил лупу, не глядя на Степана.

— Диагностических наборов нам хватит дня на три. Если придут новые больные, начнём экономить на анализах. Прикажем кому-нибудь прийти завтра. А завтра может не наступить.

У Степана перед глазами возник мужчина с пустой жестянкой у водораздатчика.

— Можно купить недостающее на рынке. За капсы.

— Если найдём продавца, который не держит запас для своих. И если потом купим еду.

— Неужели лучше сидеть и ждать?

— Нет. Поэтому вечером идём на совет. Я хочу услышать, кто что может сделать. Не на словах вообще — завтра, послезавтра, с конкретными людьми.

Степан потянулся к пустой коробке и неуклюже задвинул её под другую. Борис заметил, но ничего не сказал.

— Представители четырёх сил обещали прийти, — добавил Борис. — Хоть это у нас получилось быстро.

— Ты возьмёшь меня?

— Возьму. Кто-то должен записать ответы разборчивее меня.

Степан кивнул. Извиниться за сказанное у стола он всё ещё не решился.

III

Совет собирался в служебной комнате над проходом. Через мутный пластик бывших окон была видна платформа: люди пересекали полосы света, у гермодвери горел красный фонарь. Степан несколько раз пытался разглядеть среди проходящих поисковую группу, хотя знал, что та ещё не вернулась.

За столом разместились представители четырёх сил, которые привыкли договариваться между собой и спорить за право не уступать.

Степан сел у стены с блокнотом. Представитель «Восхода» сдвинул к себе стул и проверил ремень часов; человек Новой Риги выложил на стол аккуратную стопку бумаг и бережно прижал её тяжёлым футляром. Делегат Ночного Завета попросил отодвинуть стул от сквозняка — у него болела спина. Глава БРМ не садился. Он стоял у окна, пока дежурный охранник что-то говорил ему вполголоса.

От охранника Степан расслышал только «проверили боковой ход» и «следов нет». Руководитель БРМ коротко кивнул и велел передать сообщение в медицинский отсек. Четвёртого сопровождающего по-прежнему искали.

Руководитель БРМ сел, не дождавшись, пока все устроятся.

— Между Курской нашей линии и Бауманской нападение на медицинский конвой. Два контейнера похищены. Трое вернулись, четвёртого ищут. Нам нужно проверить, куда могли уйти люди и груз. Я прошу содействия на ваших участках.

Военный из «Восхода» слушал, положив перед собой блокнот в клетку. На потёртой нашивке у него почти не осталось краски. Степан всегда злился, когда на проходах «Восхода» в третий раз проверяли пропуск. Сегодня ему хотелось, чтобы этих проверок было больше.

— Свои посты проверим, — сказал военный. — Доступ через наши границы поднимем по сменам. Но в тот отвод людей вслепую не пошлю. Там за неделю дважды видели крупную живность. Нужен разведчик, а его сейчас нет.

— На конвой напали люди, — отрезал Борис.

— Люди могли уйти, зверь — остаться. — Военный повернулся к нему. — Вы хотите ещё четверых оставить там?

Борис сжал край стола. Степан видел, как побелел большой палец. Старик не поднял голоса.

— Когда будет разведчик?

— Если снимем с северного поста — к завтрашнему вечеру.

— А если не снимете?

— Тогда скажу, что не сняли. Дату раньше времени ставить не стану.

Борис кивнул без благодарности. По крайней мере, они перестали спорить о том, кто кого не понял.

Представитель Новой Риги держал на пальцах тонкие перчатки, снятые перед счётами. Степан видел таких людей на грузовых платформах: они умели запомнить цену чужой задержки раньше, чем имя задержавшего.

— По нашей сети разошлю ориентировку, — сказал торговец. — Номера пломб и описание тары. Но поставьте на ней пометку «возможное похищение», не «контрабанда». Если завтра у нас задержат чужой законный груз, отвечать придётся вам и мне.

Борис толкнул к нему копию ведомости.

— Вы это больным объясните?

— Объясню, если придётся. А вы объясните тем, у кого по ошибке отберут товар. Мы оба знаем, сколько стоит слово в накладной.

Руководитель БРМ вмешался прежде, чем Борис успел ответить:

— Как быстро ориентировка уйдёт на приёмные пункты?

— До смены караванов. Дайте номера без исправлений. И человека для обратной связи, который не исчезнет после первого вопроса.

Делегат Ночного Завета дотронулся до деревянной совы на воротнике, прежде чем заговорить. На Бауманской о его общине рассказывали всякое; чаще всего — люди, никогда не бывавшие на Алексеевской или ВДНХ. Сейчас перед Степаном сидел пожилой человек с натёртым воротом рубахи, который внимательно слушал каждого, даже торговца.

— Наши наблюдатели ходят к старым поверхностным выходам, — сказал он. — Недавно там нашли силки. Ловцы редких птиц выбирают ходы, которых не видят обычные патрули. Попрошу людей расспросить их. Может, кто и видел чужие ящики.

Военный откинулся на спинку стула.

— Вы полагаете, это связано с совами?

— Не полагаю ничего. Просто наши люди бывают там, где ваших пока нет.

Степан вспомнил сову, однажды сидевшую у вентиляционного проёма. Тогда ему было лет восемь; он боялся моргнуть, чтобы птица не исчезла. Кто-то из взрослых шептал детям: «Не спугните». Сейчас рядом с образом птицы почему-то возник Семён, одиноко смотрящий в потолок перевязочной.

— Охрану на северном проходе снять не можем, — продолжил делегат. — А сведения пришлём. Даже если не найдём ничего, об этом тоже сообщим.

Степан посмотрел в блокнот. Везде стояли осторожные слова: «если», «проверим», «возможно». Никто не отказал. Он ненавидел себя за то, что всё равно хотел схватить кого-нибудь за рукав и потребовать ответа немедленно.

— Можно спросить? — вырвалось у него.

Борис резко оглянулся. Степан уже поднялся и теперь не знал, куда деть руки.

— Если контейнеры уже продали, зачем ориентировка по пломбам? — обратился он к торговцу. — Их снимут раньше, чем я до Курской доберусь.

Торговец посмотрел на него почти сочувственно.

— Тогда будем искать не пломбы, а покупателей и тех, кто менял тару. Но на чужой территории я не стану вытаскивать людей из постелей по вашему подозрению.

— А если кто-то умрёт, пока вы проверяете?

— Может случиться и это, — сказал торговец. — Но если я прикажу хватать всех подряд, мы получим ещё один налёт, только уже от своего имени.

От этих слов у Степана похолодели уши. Он хотел услышать обещание — любое. Вместо него ему вернули вопрос, на который не существовало приятного ответа.

— Семён выжил, — сказал он уже тише. — Он видел нападавших. Может, опознает.

— Вот и берегите его. Если понадобится, направим к нему человека. По рынкам раненого гонять никто не собирается.

Степан сел. Стул скрипнул так громко, что он покраснел. Борис закрыл ладонью его блокнот и на мгновение оставил руку там.

— Продолжайте, — произнёс Борис вместо выговора.

К концу совета договорились о четырёх вещах: поисковики продолжат обход у места нападения, «Восход» проверит посты, Новая Рига распространит сведения о грузе, а Ночной Завет расспросит своих наблюдателей. Назначили сроки первого ответа. Степан переписал их дважды, чтобы ни у кого не возникло сомнений в цифрах.

Люди поднялись из-за стола, обменялись рукопожатиями и ушли. Никто не выглядел довольным.

Степан остался смотреть на страницу блокнота. Строки были заполнены. Место для записи «нашли четвёртого» он оставил пустым.

IV

Уходя, представитель Новой Риги задержался у двери. Он заметил пломбированную коробку с капсами, которую руководитель БРМ убирал со стола.

— Центральная партия придёт по графику?

— Пока да.

— Не выпускайте резерв на рынок из-за слухов. Когда люди испугаются, цены поднимут раньше, чем разберутся, чего испугались.

Торговец убрал перчатки в карман и вышел, так и не дождавшись ответа.

Степан посмотрел на коробку. Он привык видеть капсы на прилавках и в ладонях рабочих. В запечатанном футляре таблетки выглядели почти нелепо: можно было подумать, что это драгоценности.

Партии капсов поступали из закрытого правительственного сектора. БРМ покупала на них расходники, «Восход» содержал посты, Новая Рига рассчитывалась за перевозки. Никто из сидевших за столом не мог просто сделать новую партию, если прежняя однажды закончится.

На мгновение Степан представил пустой меняльный стол на платформе. Не хватало ещё, чтобы после двух контейнеров вся Бауманская принялась прятать капсы по матрасам.

Руководитель БРМ ушёл к охране. Борис остался сидеть. На манжете у него была кровь Семёна. Степан видел её с начала совета и всё не знал, сказать ли, что пятно заметно. Теперь понял: старик, конечно, знает.

— Все помогать обещали, — сказал Степан.

Борис потер переносицу.

— А ты смотришь, будто никто не согласился.

— Ты записал всё?

— Да. Все согласились.

— Вот это и плохо, — сказал Борис.

Степан ждал привычной язвительности, но старик продолжил устало: — Откажи кто-нибудь вслух — хотя бы понятно, с кем спорить. А сегодня каждый сказал разумную вещь. Только Семёну от наших разумных вещей ничуть не легче.

— Военный не обязан отправлять людей туда, где их сожрут.

— Не обязан. Я и сам на его месте не отправил бы. Это меня больше всего и бесит.

Они помолчали. Снизу донёсся короткий сигнал смены пропускного режима.

— Ты бы сделал иначе, будь ты во главе «Восхода»?

— Хотел бы сказать, что да. Но наверняка начал бы считать своих убитых. И ещё, наверное, нагрубил бы врачу, который требовал срочно послать людей в тёмный отвод.

Борис расстегнул верхнюю пуговицу, не с первого раза попав пальцами в петлю. Степан протянул руку помочь и тут же убрал её. Не хотелось снова обращаться с ним как с больным.

— Ты чего такой тихий? — спросил Борис.

— Семён просил не считать четвёртого погибшим.

— Помню.

— Мы ведь вообще не знаем, где он. И кто он теперь — живой, раненый…

— Не знаем.

— А если его там уже нет?

Борис помолчал дольше, чем требовалось для ответа.

— Тогда узнаем. Только не делай этого сейчас за него. Я пообещал Семёну поиск — поиск и получит.

Он встал, достал из шкафа чистую копию отправочной ведомости и положил перед Степаном.

— На Курскую пойдёшь ты.

Степан машинально оглянулся на дверь — будто Борис мог обращаться к кому-то за его спиной.

— Сегодня?

— Если я подожду, пока ты перестанешь удивляться, то, пожалуй, и завтра не выйдет.

— Ты же сам велел остановить отправки.

— Грузовые. Малая группа под охраной пройдёт после осмотра пути. Пойдёшь с ней. На Курской нашей линии найди медика, который оформлял груз. Уточни время передачи, номера пломб и откуда взялась эта поздняя отметка.

— Они могут просто выставить меня за дверь.

— Могут. Тогда узнаешь, кто выставил, и вернёшься. Один ответ всё равно лучше ни одного.

— Ты бы разобрался быстрее.

Борис посмотрел на закрытую дверь палаты.

— Возможно. Но Семён не должен проснуться и найти вместо врача записку «ушёл на Курскую». Ещё троих раненых обещали прислать завтра. А тебе пора делать что-то сложнее, чем держать инструмент.

Степан вспомнил ключ, который уронил под шкаф. Ему вдруг снова стало жарко.

— Ты ведь боишься меня отпускать?

Борис сел, будто разговор оказался тяжелее, чем он рассчитывал.

— Да.

Степан смутился. Он ждал шутки, запрета, лекции — чего угодно, только не этого короткого «да».

— Тогда зачем?

— Потому что нельзя всю жизнь держать тебя рядом, чтобы убедиться, что с тобой ничего не случится. Да и я не вечный. — Борис усмехнулся без веселья. — Хотя тебе, конечно, удобно думать обратное.

Степан хотел улыбнуться, но не получилось.

— Только не геройствуй, — добавил Борис. — Ты едешь задавать вопросы. Если начнётся стрельба, первым делом ищи, куда спрятаться, а не кому помочь советом.

Степан покрутил в пальцах край ведомости.

— А если я там всё испорчу?

— Вернёшься. Расскажешь. Мы попробуем ещё раз. Так, представь себе, обычно и работают.

Из палаты донёсся кашель Семёна. Борис поднялся сразу. Разговор для него на этом закончился.

— Аптечку проверь, фильтр тоже. И возьми копии, а не оригиналы. На Курской спросишь ответственного медика. Не спорь с ним из-за каждого слова — сначала выслушай.

Степан остался за столом. Он едва заметно провёл пальцем по сгибу ведомости, где след от резинки сделал бумагу тонкой.

Ему хотелось положить лист обратно и сказать Борису, что он ещё не готов. Потом из соседней комнаты снова закашлял Семён, и Степан начал собираться.

V

Перед переходом Степан остановился у стенда с расписаниями. Между карантинными предупреждениями висело выцветшее объявление о награде за расчистку технического отвода. Под ним кто-то приписал: «Обход закрыт до проверки». Степан почему-то перечитал эту строчку два раза.

В детстве он водил пальцем по схеме метро и выбирал станции, куда непременно съездит, когда вырастет. Тогда названия обещали мир за пределами Бауманской. Теперь возле многих стояли значки кордонов, карантинных зон и вооружённых постов.

Курская находилась совсем рядом — один перегон по Арбатско-Покровской линии. Когда-то Степану казалось обидным ехать всего на одну станцию. Сейчас он проверял крепление сумки в третий раз.

В сумке были бинты, небольшая аптечка, запасные перчатки, фильтрующий вкладыш и хлеб, завёрнутый в ткань. Несколько капсов Борис отсчитал лично и велел не обменивать на бессмысленные мелочи. Степан едва не спросил, что считать мелочью, но вовремя вспомнил, сколько времени старик потратит на объяснение.

— На Курской не покупай ничего у первого, кто назовёт тебя другом, — сказал Борис, догнав его у стенда.

— Я вообще ничего покупать не собираюсь.

— Тем более не верь. Самые дорогие покупки люди делают именно с такими словами.

Степан взял сумку за ремень. Борис посмотрел на него и поправил застёжку респиратора у подбородка.

— Криво застегнул.

— Я сам проверял.

— Вижу.

Степан отвернулся. Ему давно было не двенадцать, и он не хотел, чтобы Борис поправлял ему воротник перед каждым выходом. Но убрать его руку тоже не решился.

— Семён снова спрашивал про того, кто остался?

— Спрашивал. Охрана уже пошла проверять ответвление. Больше от меня пока ничего не зависит.

— Если он жив, ему там, наверное, очень холодно.

— Наверное.

— А если мы опоздаем?

Борис посмотрел в сторону закрытой двери, за которой готовили группу.

— Тогда будем жить с тем, что опоздали. Но сперва надо попробовать успеть.

К ним подошёл старший сопровождающий и проверил пропуск Степана. В группе было двое бойцов БРМ, электрик, женщина с тюком обменных товаров и перевозчик. Прежде чем открыть проход, один из бойцов заглянул за гермодверь и долго слушал тоннель.

На платформе сменилось освещение: несколько ламп погасли, вместо них загорелись тусклые дежурные. Степан узнал каждую из них по отдельности, как узнают трещины на потолке собственного дома.

Возле колонны ребёнок катал деревянную машинку. Раздатчица у воды спорила с кем-то о порядке очереди. Из медицинского отсека доносилось шипение кипящего чайника. За последние часы здесь почти ничего не изменилось.

И всё-таки Степан впервые не был уверен, что сумеет вернуться к этому шуму как ни в чём не бывало.

— Степан! — окликнул Борис.

Он остановился, уже поставив ногу за линию прохода.

— Забыл.

Борис сунул ему небольшой свёрток, смятый так, будто носил его в кармане весь день.

Внутри оказалось сушёное яблоко.

— Ты умеешь помнить про чужие бинты. Про собственный обед — никогда.

Степан засмеялся и тут же почувствовал, как глупо получается смеяться сейчас.

— А если я всё-таки узнаю, где контейнеры?

Борис посмотрел на него так, словно хотел сказать сразу несколько вещей, но не выбрал ни одной.

— Сначала вернись с тем, что узнаешь. А там разберёмся вместе.

— Мог бы пожелать удачи.

— Мог бы. Но лучше поешь по дороге.

Степан вдруг захотел обнять его. От этой мысли стало стыдно — словно Борис смог бы увидеть её насквозь. Он затянул ремень сумки и шагнул к остальным.

Гермодверь открывали медленно. Из тоннеля потянуло влажным железом. Луч фонаря скользнул по рельсам и выхватил старую надпись: «НЕ ХОДИ ОДИН».

В детстве Степан считал её предупреждением для тех, кто тайком лазил за границу станции.

Теперь, стоя среди вооружённых сопровождающих, он почему-то чувствовал себя одиноким.

— Двигаемся, — сказал старший.

Степан ещё слышал за спиной, как скрипит тележка и кто-то зовёт ребёнка поужинать. Потом дверь закрылась, и Бауманская исчезла из слуха.

Впереди была Курская.

А между станциями всё ещё могли искать человека, которого Семён попросил не считать погибшим.

Степан сунул сушёное яблоко в карман, чтобы не забыть о нём, и пошёл за фонарём.

Глава вторая. Тринадцать дней

I

— Кто-то запросил оба номера пломб, — сказала Анна. — Уже после того, как конвой вышел с Курской.

Степан не успел даже снять сумку. Он стоял в дверях медицинского кабинета, пропуская за собой запах мокрого железа и горячего лука с платформы, и смотрел на раскрытую грузовую книгу. В её правой колонке, между двумя привычными отметками, тянулась тонкая строка, написанная чужой рукой.

— Кто запросил?

— Электрозаводская. Медицинско-грузовой пост.

— Зачем им наши контейнеры?

— Это я собиралась спросить у тебя. — Анна перевернула письмо Бориса лицевой стороной вниз. — Но судя по твоему виду, ответа не будет.

Анна была моложе, чем Степан ожидал по рассказам наставника. Ворот серой рубашки потемнел от пота, на запястье под закатанным рукавом белел след от тугой перевязочной резинки. Она не усадила гостя и не предложила чаю. Вместо этого положила рядом с книгой копию накладной, полученную от Бориса, и провела ногтем по двум цифрам.

— Номера совпадают. Оба, до последнего знака. В обычной справке так подробно груз не расписывают. Достаточно номера перевозки.

На Бауманской Семён рассказывал о человеке в светлой маске: тот сверял пломбы и велел забрать именно два медицинских контейнера. Степан снова увидел его не самого, а таким, каким описал раненый, — склонённую голову, светлое пятно лица, палец на металлической скобе.

— Значит, запрос сделал тот, кто их украл.

— Нет, — сказала Анна. — Значит, кто-то знал номера. Их знали отправители, сопровождение, приёмщики и люди, которые ведут общие санитарные партии. Если сразу назначим виновного, поможем настоящему спрятаться.

— Когда запрос пришёл?

— В этой книге только порядок записей. Дата есть, точного часа нет. Журнал связи у диспетчера.

Степан взялся за край стола. За две ночи, прошедшие после нападения, он привык хвататься за любое слово, похожее на объяснение. Теперь перед ним лежала настоящая улика, а ухватиться за неё было нельзя: слишком много людей могли оставить эту строку совершенно законно.

— Я пойду к диспетчеру.

— Мы пойдём. — Анна закрыла книгу ладонью, когда он потянулся к ней. — И сначала ты мне расскажешь, что видел сам, а что услышал от Семёна. У Бориса в письме всё аккуратно разложено. Хочу убедиться, что ты не добавил к этому ничего от страха.

Степан хотел возразить и не смог. Страх был. В пути ему несколько раз чудилось, что за решётками кто-то идёт параллельно конвою. На одном служебном повороте, между шпал, лежала грубая кожаная перчатка с кровью на шве. Он узнал тип — такие выдавали сопровождающим медицинских грузов, — но старший охраны не позволил подойти. Степан записал номер опоры на обрывке маршрутного листа. Не доказательство, только место, которое ещё предстояло проверить.

— Перчатку я видел, — сказал он. — Кто её потерял, не знаю.

Анна кивнула. Она ничего не записала рядом с номерами пломб, а перевернула чистый лист.

— Вот так и будем. Отдельно.

Он рассказал о Семёне, о металлическом осколке в ране, о человеке в маске и пропавшем Лёне. На имени четвёртого сопровождающего Анна подняла глаза.

— Лёня должен был привезти мне ключ от старой радиомастерской, — сказала она. — Замок в шкафу заедает. Я всё откладывала покупку нового, потому что он обещал посмотреть.

Она дёрнула дверцу шкафа. Та, словно нарочно, открылась без сопротивления.

— Вот зараза, — выдохнула Анна и захлопнула её чуть громче, чем следовало.

Степан не нашёл слов. До этой минуты Лёня был именем в списке пропавших. Теперь у него появились руки, умеющие чинить замки, и женщина, которая всё ещё ждала обещанного ключа.

— Пойдём, — сказала Анна. — Пока смена связи не разошлась.

II

Курская не умела разговаривать вполголоса. Кто-то торговался за мешок крупы, за дальним ограждением ругались грузчики, у кипятильника спорили о том, сколько капсов стоит новый фильтр. За решёткой перехода начиналась Кольцевая — владения «Восхода». На схеме граница была чертой толщиной с карандашный грифель. На станции она пахла мокрыми плащами двух караулов и заставляла людей говорить суше, чем хотелось.

Степан догонял Анну, стараясь не упускать из виду её серый рукав. У санитарного поста они миновали скамью, на которой спала девочка, прижимая к груди жестяную кружку. Рядом мать делила капс ногтем; половинки получались разные.

Анна остановилась ровно настолько, чтобы сказать:

— Не делите на глаз. Приведите её после смены — посмотрим, чем заменить дозу.

— А примете? — недоверчиво спросила женщина.

— Найдите меня, если другой дежурный откажет.

И пошла дальше. Степан смотрел ей в спину и думал, что Борис на Бауманской произнёс бы почти те же слова, только с гораздо большим раздражением.

Диспетчерская помещалась над грузовым проходом. Из круглого окна было видно два пути, стрелку и край тёмного тоннеля. На стене гудел старый переговорник; стоявший рядом регистратор накручивал ленту с таким скрипом, словно в него засыпали песок.

Дежурный принял запрос без восторга, но, увидев подпись Бориса, отложил свой обед. Пока он доставал журнал связи, Степан заметил на верхней полке пачку отложенных сообщений. На первом листке остался отпечаток грязного пальца: люди работали здесь не за стеклом чистого архива, а среди дыма, кабелей и бесконечных чужих просьб.

— Электрозаводская, санитарный пост. Два номера пломб, — прочитал дежурный. — Запрос зарегистрирован. Вот ответ нашего оператора. Основание — сверка общей партии.

— Кто запросил? — спросил Степан.

— Подпись входящего должна храниться на их стороне. У меня код поста и время приёма вызова.

Анна наклонилась над книгой.

— А время самого обращения?

— Пришло через резервную линию. Местные часы сбивались после переключения питания. Могу подтвердить смену и последовательность; минуту — нет. Если хотите выяснить, кто стоял у их аппарата, запросите журнал Электрозаводской.

Степан почувствовал привычное раздражение: опять другой журнал, другая станция, ещё один человек, способный сказать «не знаю». Но Анна не стала спорить. Она попросила копию строки вместе с отметкой о неисправных часах.

— И обе цифры пломб укажите, — добавила она. — Так, чтобы на Электрозаводской нельзя было ответить, будто мы спрашивали о другом грузе.

Дежурный потянулся к регистратору. В этот момент с платформы донёсся металлический удар — не громкий, но такой звонкий, что все трое обернулись. Потом кто-то закричал, требуя освободить проход.

Анна уже шла к лестнице.

— Я останусь за копией? — спросил Степан.

— Нет. Ты помощник медика. А у нас, кажется, пациент, — бросила она, не останавливаясь.

Дежурный пообещал оставить выписку у санитарного поста. Степан ещё успел увидеть два номера на раскрытой странице — ровные, несомненные, — прежде чем дверь диспетчерской закрылась за ним.

III

У решётчатого перехода стояла тележка с закрытым санитарным кожухом. Носильщик пытался отвести её от пассажирского потока; правое колесо соскочило с направляющей, и тяжёлая рама навалилась на ограждение. Люди отступали не столько от тележки, сколько от красной ленты на её стыке.

Рядом женщина прижимала к груди мужскую куртку. Один рукав свисал почти до пола. Она не кричала. Только повторяла караульному:

— Дайте мне узнать, куда его увезут. Я должна хотя бы это знать.

Степан увидел на бирке дату смерти. Двенадцатые сутки.

Тринадцатую лихорадку в метро не объясняли детям подробно. Достаточно было сказать, сколько дней прошло после смерти, чтобы мать взяла ребёнка за руку крепче. Болезнь не спрашивала, кого любили при жизни, и не щадила тех, кого держали за двойной пломбой.

Анна опустилась на корточки возле рамы.

— Фонарь, — сказала она Степану. — И никого ближе.

Он поднял свет. На наружном креплении вместо штатного зажима была натянута тонкая проволока. Один виток уже разошёлся. Внутренний контур нельзя было разглядеть, не сдвинув повреждённый кожух.

— Кто так закрепил? — спросила Анна у перевозчика.

— После прошлого осмотра. Запасного замка не нашлось. Я предупреждал, — ответил тот и сам услышал, как беспомощно это прозвучало.

С дальнего конца платформы затор напирал на ограждение. Мальчик лет десяти полез между стойками, чтобы подобрать упавший мешок. Степан схватил его за воротник прежде, чем тот коснулся тележки.

— Отпусти! — выкрикнул мальчишка, размахивая руками.

— Вернёшь мешок потом. Назад, — сказал Степан и увидел в собственных пальцах дрожь.

Старший его сопровождения вместе с караульным оттеснили толпу. Над путями загудел прибывающий состав. От вибрации рама качнулась; проволока тихо запела.

— Колесо не тянуть! — резко сказала Анна перевозчику. — Подпорку под ось. И освободите санитарный шлюз.

С другой стороны решётки появился караульный «Восхода». Лицо у него было совсем молодое, на подбородке — след от плохо зажившего пореза.

— Кольцевую закрываем. Через наш переход груз не пойдёт.

— Я не собираюсь его туда вести, — ответила Анна. — Уберём на нашу сторону, в изолированную комнату. Но сперва поставим раму ровно. Ваши люди могут смотреть из-за решётки.

— Там сейчас больной.

— Переведём после осмотра. — Она коротко посмотрела на Степана. — Идите, попросите дежурного медика помочь с койкой. Не перемещайте пациента сами.

Степан двинулся, но женщина с курткой шагнула ему навстречу.

— Он опасен? — спросила она, глядя мимо него на кожух.

— Мы не знаем, цел ли внутренний контур, — ответил он.

— А утром сказали, что всё проверили.

Он мог сослаться на чужую смену и чужой акт. Вместо этого сказал:

— Наружное крепление повреждено. Сейчас Анна сделает всё, чтобы тележку убрали с платформы.

Женщина смотрела так внимательно, словно пыталась понять, чем осторожные слова отличаются от прежних обещаний.

— А вы вернётесь? — спросила она.
— Да.
— Все говорят «да».
Степан пошёл за медиком и почти физически чувствовал её взгляд между лопатками.

IV

Больного из изоляционной комнаты перевели в соседнюю палату после осмотра. Мужчина был раздражён, что его разбудили, и не хотел отдавать место незнакомому покойнику.

— Вы меня выселяете? — спросил он, пока Степан складывал простыню.

— Переводим туда, где есть врач, — ответил тот. — И где вы сможете ругаться на нас без респиратора.

Пациент фыркнул. Анна, проходя мимо, негромко сказала:

— Не врач. Помощник медика. Называй вещи своими именами, даже когда человек тебя слушать не хочет.

В проходе между палатами Степан вспомнил, что оставил на верхней полке сумку Бориса. Он едва не побежал обратно за ней, будто от этого зависела судьба контейнеров. Но у шлюза уже требовались руки: двое носильщиков держали тяжёлую раму, пока Анна проверяла наружное крепление. Степан поставил свет и помог подать подпорку, не касаясь пломб.

Караульный «Восхода» спросил, цел ли внутренний кожух. Он стоял за решёткой и видел только спины работников.

— Пломба не сорвана, — ответил Степан, заглядывая через плечо Анны. — Контур цел.

Слова вырвались сами. Хотелось закончить неопределённость, которая уже несколько часов держала возле тележки испуганных людей.

Анна подняла голову.

— Степан. Мы видели целую пломбу. Сам контур не проверяли.

Караульный мгновенно отступил.

— Тогда почему он говорит, что цел?

Степан почувствовал, как жар поднимается к лицу. Утром он с тем же удовольствием убедил бы самого себя, что кровь на перчатке принадлежит Лёне. Теперь чужое решение могло опереться на его неосторожную уверенность.

— Я ошибся, — сказал он. — Цела пломба. Про состояние кожуха мы не знаем.

Караульный хотел ответить что-то резкое, но на грузовом пути прогремел колёсный стык. Носильщики замерли, удерживая раму. Анна расправила ладонь, требуя тишины, и ждала, пока вибрация не прошла.

Затем повернулась к Степану:

— Ты видел опасность. И всё-таки сказал больше, чем знаешь. Не делай так снова.

В этом не было ни лекции, ни прощения. Он хотел объяснить, что испугался за женщину и за людей на платформе, но оправдание звучало бы ещё одной попыткой сделать мир безопаснее словами.

Тележку закрепили на временной раме и медленно ввели в санитарную комнату, не пересекая границы Кольцевой. Защитная дверь закрылась с тяжёлым, почти домашним стуком. На платформе кто-то тут же принялся спорить из-за места у кипятильника. Жизнь вернулась так быстро, словно ничего не случилось.

Женщина с курткой не двинулась с места.

— Он там? — спросила она.

— Да, — ответил Степан. — Пока только там. Дальше будут решать санитарные службы.

— Хоть сегодня ночью он не посреди прохода.

Она опустилась на скамью. Куртка расправилась у неё на коленях, и Степан заметил на локте светлую нитку, не подходившую по цвету к ткани.

— Он сам зашивал? — спросил Степан.

Женщина посмотрела на шов, словно увидела его впервые.

— Я. Он терпеть не мог сидеть смирно. Всё твердил: «В тоннеле никто на локти не смотрит». А потом надевал эту куртку на праздники.

Степан сел не вплотную, оставив между ними место.

— Я его почти не знал, — сказала она. — Последние дни только через стекло. Когда он ещё мог разговаривать, просил принести рисунок нашей комнаты. Хотел увидеть полку с приёмником и две чашки. Я нарисовала его белую чашку с целой ручкой, а она ведь давно была отбита. Он заметил сразу.

Она улыбнулась, не отрывая взгляда от шва.

— У него на всё был глаз. Кроме себя самого.

Степан вспомнил Бориса, который злился, если чай остывал, и мог всю ночь не отойти от тяжёлого пациента. Подумал о Лёне с неисправным замком в руках. Об исчезнувших людях было легко говорить как о пустых строках. Труднее представить их чашки, перчатки и привычки, которые кто-то продолжал ждать.

— Я ошибся у тележки, — признался он. — Сказал, что она цела, хотя не мог знать.

Женщина некоторое время молчала.

— Тогда в следующий раз не угадывайте, — сказала она. — У меня уже слишком много людей угадывало, когда всё закончится.

Степан кивнул. Он ждал, что сейчас она спросит о завтрашнем дне, и впервые был рад, что не умеет обещать лишнего.

Анна вышла из шлюза, сняла перчатки и устало присела на край ограждения.

— Ночью мы оставим кожух в изоляции. Я постараюсь согласовать дальнейшую перевозку. Часа пока нет, — сказала она женщине.

— Дайте мне быть рядом, когда повезут.

— Я предупрежу смену. Если буду здесь — позову сама.

Женщина посмотрела ей в лицо, потом впервые за весь день убрала куртку в сумку, аккуратно сложив рукава.

V

Они вернулись к медицинскому кабинету уже затемно. В коридоре пахло кипячёной тканью; кто-то ударял ложкой о край эмалированной миски, стараясь разбудить ребёнка для ужина. Из диспетчерской принесли выписку — один лист с круглым штампом и двумя полными номерами пломб.

Анна положила его рядом с грузовой книгой.

— Вот и всё, что можем доказать на Курской. Запрос с Электрозаводской зарегистрирован после выхода конвоя. Неизвестно, знали ли о нападении те, кто его отправил. Неизвестно, кто стоял у аппарата. Но две цифры совпали не случайно.

— Два номера, — поправил её Степан.

Анна подняла бровь.

— Два номера, — повторила она. — Теперь ты меня проверяешь?

— Пытаюсь.

Она впервые улыбнулась. Не насмешливо, а так, будто на секунду узнала в нём что-то знакомое от Бориса.

— Проверь ещё раз, кто видел кровь на перчатке.

— Я. Только я. Остальные увидели саму перчатку.

— Хорошо. Это разные показания.

Степан взял чистый лист и переписал два коротких пункта. Первый: кожаная перчатка на служебном повороте между Бауманской и Курской; принадлежность неизвестна, место передано осмотровой группе. Второй: запрос на полные номера пломб с Электрозаводской после отправления конвоя; исполнитель и точное время не установлены. Он оставил место для подписи свидетеля и вдруг заметил, что рука больше не дрожит.

— А если перчатку уже унесли? — спросил он.

— Значит, свидетелей станет меньше. Но ты не должен выдумывать владельца вещи ради того, чтобы она была полезнее.

У дверей отделения затопали двое санитаров. Анна встала, поправила ворот рубашки и снова стала человеком, которому некогда уставать.

— Отвезёшь всё Борису утром. Перед тем как ехать на Электрозаводскую, пусть свяжется с начальником поста: иначе тебя встретят как мальчишку, который приехал обвинять людей по одной строке.

— Я ведь не мальчишка.

— Тогда не веди себя как обвинитель до того, как научишься быть свидетелем.

Она вышла, оставив ему горячую воду и половину ломтя хлеба. Степан долго смотрел на выписку. В ней не было ни имени похитителя, ни адреса тайного склада, ни обещания, что Лёня жив. Только маршрут до следующего вопроса. Но теперь этот вопрос принадлежал не страху, а бумаге, которую могли прочитать другие.

Ночью он спал у стены в комнате дежурных, просыпаясь от шагов. Один раз ему привиделось, что перчатка лежит уже не у отвода, а на столе рядом с накладной и указывает вывернутым пальцем на слово «Электрозаводская». Он проснулся, сел и некоторое время слушал, как работает насос за перегородкой.

Потом встал и переписал свой лист ещё раз. Там, где прежде хотел написать «перчатка Лёни», оставил «перчатка неизвестного сопровождающего» — и перечеркнул даже это. Сопровождающего он тоже не мог установить.

VI

Утром женщина с курткой ждала возле санитарного шлюза. Анна добилась для кожуха следующего маршрута; перевозку принимала другая смена, и дальнейший путь всё ещё оставался неопределённым. Но тележку больше не собирались оставлять на открытой платформе.

— Ваши уходят? — спросила женщина Степана.

— Через четверть часа.

— Хорошо. Значит, вас не задержали из-за нас навсегда.

Он не нашёлся с ответом. Когда створка шлюза открылась, женщина подошла к санитарной черте. Караульный уже собирался остановить её, но Анна задержала его движением руки. Несколько мгновений вдова стояла молча, а за стеклом медленно проходила тележка. Потом подняла ладонь, точно прощалась с человеком на другом конце платформы.

Степан не стал смотреть ей в лицо.

— Вы запомнили, что я рассказывала про чашку? — спросила она, когда створки сомкнулись.

— Белая. Ручка отбита.

— Хорошо. Пусть хоть кто-нибудь помнит правильно.

У последнего слова у неё дрогнул голос, но она уже поворачивалась к выходу. Степан понял, что им не нужно ничего добавлять.

На обратном пути охранник сдвинулся ближе к нему, чтобы пройти мимо тяжёлой тележки с углём.

— Ты всё спрашивал о Лёне, — сказал он. — Я вспомнил ещё кое-что. Он никогда не покупал новую втулку, пока старая поддавалась ремонту. Говорил: пусть у меня будет лишний капс на случай, если кому-нибудь потребуется лекарство.

— Это не очень помогло ему, — ответил Степан и тут же пожалел.

— Может, ещё поможет. Не спеши ставить точку.

У служебного отвода, где накануне лежала перчатка, они прошли, не останавливаясь. Степан посмотрел вниз. Между шпалами были вода, грязь и жёлтый обрывок упаковки. Перчатки не было. Он не мог узнать, забрала её осмотровая группа или кто-то другой.

Он не стал просить охранника вернуться. У него уже было место, записанное на бумаге, и два номера пломб. Если за каждым неизвестным бросаться в темноту, назад можно не прийти.

На Бауманской первым делом ударил в нос знакомый запах перевязочной — спирт, старое железо, чуть подгоревшая каша от соседней кухни. За стеной кашлянул Семён. Степан хотел пойти к нему, но увидел Бориса у раковины. Наставник споласкивал чашку, ворча, что местные никогда не научатся закрывать кран.

— Ну? — спросил Борис, не оборачиваясь. — Нашёл, ради чего ходил?

Степан положил на стол выписку, копию исходной накладной и лист со своими наблюдениями. Сверху — два полных номера пломб. Борис отставил чашку. Прежде чем взять бумагу, привычно осмотрел Степана: лицо, руки, не прихрамывает ли.

— Живой. Уже хорошо. Теперь рассказывай.

— Запрос был с Электрозаводской, после отправления груза. Кто его сделал, там пока не знают. А по дороге я видел перчатку. Не знаю чью.

Борис прочёл первую строку, затем вторую. При словах «не знаю» он посмотрел на Степана внимательнее, чем при названии станции.

— И правильно, что не знаешь, — сказал он. — Значит, не успел сочинить себе удобного виновного.

Степан рассказал об Анне, о повреждённом кожухе и о том, как назвал целым то, чего проверить не мог. Борис слушал молча. Потом сложил листы в одну стопку и прижал ладонью.

— Ты поехал искать две украденные коробки, — сказал он. — А вернулся с двумя вопросами и с пониманием, что нельзя лечить страх уверенностью. На первый день сойдёт.

— Это уже не первый день.

— Тем более. — Борис потянулся к переговорнику. — Поднимем Электрозаводскую. Только сначала покажешь Семёну, что ты вернулся. Он с утра спрашивает.

Степан направился к перевязочной. За дверью Семён снова кашлянул и произнёс что-то сердитое о горячей воде. На столе осталась выписка, от которой начинался следующий путь. Теперь у пути было название.

Электрозаводская.

Глава третья. Общий воздух

I

Первым на Электрозаводской Степан увидел человека, который задыхался в новеньком респираторе.

Мужчина сидел прямо на ступенях служебного прохода. Колени у него были расставлены, спина упиралась в поручень, обе руки судорожно цеплялись за ремни маски. По бокам белели чистые кассеты; под мокрой рубашкой ходили рёбра. Женщина в потёртой кожаной куртке перехватила его запястье и удерживала, хотя он был гораздо тяжелее.

— Здесь не снимай. Слышишь? До лазарета дойдём — там снимешь.

— Чем дойти? — выдавил он. — Тут нечем дышать.

— Ногами. Дай руку.

Степан стоял перед дежурным с пропуском в руке. Тот успел поставить штамп БРМ, но, увидев мужчину на лестнице, сунул бумагу обратно так резко, что край оцарапал Степану палец.

— Из медицинских?

— Помощник.

— Здесь и помощник пригодится.

Степан подставил плечо. Мужчина попытался выпрямиться, обругал обоих и едва не повалил Степана на ступень. Защелки респиратора были закрыты правильно; кассеты стояли новые. Степан машинально проверил это ещё раз — как будто мог найти неисправность и сразу прекратить чужое удушье.

Над лестницей один за другим погасли три плафона. Ещё несколько мигнули и потухли у дальнего края платформы.

Кто-то выкрикнул ругательство. Звякнула посуда — обыкновенно, по-домашнему; от этого стало страшнее. Под сводом Электрозаводской АПЛ гудели тележки, за прилавком спорили о сдаче, дети торопились мимо взрослых. Но головы подняли все. Даже мальчишка с яблоком замер, не донеся его до рта.

Женщина толкнула дверь лазарета плечом. Внутри было прохладнее. Мужчина сорвал маску, согнулся над ведром, закашлялся до рвоты. Степан опустился рядом на колено и только теперь увидел серую пыль на собственных брюках: она сыпалась с обуви пострадавшего при каждом движении.

— Он был в старом отводе? — спросил Степан.

Женщина коротко кивнула.

— Слесарь. Двоих послали в старый отвод менять уплотнение. Его через люк протащили. Второго рамой придавило.

— Давно?

— Полчаса, наверное. С тех пор как тяга встала. Мы и время-то не сразу заметили.

Она не стала ждать врача: придержала маску пострадавшего, проверила, отвечает ли он на вопросы, и посмотрела на повязку БРМ у Степана.

— Откуда ты?

— С Бауманской. Меня прислал Борис.

— Лера. Извини, знакомиться некогда. Руки вымоешь — и за мной.

— Подождите, — Степан кивнул на белые кассеты. — Они же новые. Почему ему хуже, чем остальным?

Лера задержалась у двери. На мгновение ему показалось, что она не поняла вопроса. Потом женщина указала на неподвижную решётку над их головами.

— Маска воздух не делает. Она фильтрует то, что в нём есть. Когда приток остановился, он надышался там выхлопом и дымом. Сейчас ему нужен врач и нормальная вентиляция, а не ещё одна кассета. Понял?

Он кивнул слишком поспешно. Лера уже уходила.

Утром он собирался задержаться здесь часа на два, от силы на три. Проверить запрос о двух контейнерах, поговорить с медицинским постом, снять копии и вернуться на Бауманскую. Такой план Борис одобрил без всякого энтузиазма. Теперь письмо Бориса мокло от пота во внутреннем кармане, а в решётчатом проходе впереди кричал человек, которому бумажная копия вряд ли могла помочь.

Перед отъездом Борис долго искал свои очки. Нашёл на шее, снял и потёр ими лоб.

— Электрозаводских две, — напомнил он. — На старой, АПЛ, наши люди. За переходом, на БКЛ, — Новая Рига. Привычка звать обе станции одним именем ещё кому-нибудь дорого обойдётся.

— Я знаю.

— Тогда по подписи и смотри. Не по названию станции.

Степан хотел ответить, что Борис будто заранее ждёт от него глупости, но на соседней койке спал Семён. Во сне раненый прижимал ладонь к перевязанному боку — будто боялся, что повязка слетит, стоит разжать пальцы.

— С Лёней что-нибудь? — спросил Степан.

— Пока ничего. Поисковая группа нашла следы возле старого хода. Людей — нет. Не проси меня придумать хорошие новости.

Теперь, у решётки старого отвода, Степан вдохнул горячий воздух с запахом оплавленной изоляции. Оттуда же пришёл молодой голос, сорвавшийся на крик.

— Лера! Я ногу не чувствую! Лера, вы там вообще есть?

Женщина подхватила со стеллажа инструментальный ящик и обернулась к Степану.

— Тимур, девятнадцать. Трижды успел сказать, что справится сам. В четвёртый раз зовёт меня. Пошли.

По коридору протянулся сигнал аварийного режима. Он не торопил — тянул одну ноту, пока от неё не начинало ныть под рёбрами.

II

Электрозаводскую строили для света. Даже теперь, когда половина плафонов под потолком погасла, их оставалось столько, что темнота казалась здесь чужой. Барельефные рабочие на пилонах спокойно держали молоты и инструменты. Настоящие рабочие внизу ругались, экономили каждый ампер и боялись лишний раз включить станок.

У мастерской теснились люди с фильтрами и одеялами. Старик требовал пустить воздух в спальный отсек. Женщина с девочкой на руках молчала и всё поправляла ребёнку респиратор: резинка съезжала на ухо, девочка терпеливо возвращала её на место. Над проходом висела надпись «ЖИЛОЙ СЕКТОР», а стрелка под ней указывала туда, где остановилась тяга.

Начальник смены Игнат склонился над щитом. В бороде у него белела полоса седины, будто кто-то провёл мелом. Он отмечал карандашом отключённые мастерские; карта постепенно покрывалась крестами.

— Там Тимур, — сказала Лера.

— Знаю. Но если пустим дым по общему каналу, за этой стеной начнут задыхаться дети.

— Я не предлагаю открыть общий. Мне нужен домкрат, двое с клиньями и мокрая ширма. Приподнимем раму из чистого коридора.

Игнат посмотрел на женщину с девочкой, стоявшую у ограждения, и вырвал из блокнота лист.

— Возьмёшь всё. А если заслонку поведёт — останавливаешь. Даже если Тимур будет кричать.

Лера ничего не ответила. Взяла схему, привычно придавила загнувшийся угол пальцем и присела перед решёткой.

— Раму перекосило. Поднимем на ладонь — вытащим его через основной проход. Боковой люк не трогать: за ним гнездо мута-крыс.

Степан поднял глаза от чертежа.

— Здесь, на жилой станции?

— Мутанты не читают наши таблички, — ответила Лера. — В дальних тоннелях их больше, здесь мы пока держим решётки. Откроешь этот люк — впустишь их туда, где люди ходят без оружия. Понятно?

Он кивнул. Ему всегда казалось, что между освещённой платформой и опасным миром достаточно расстояния. Теперь расстояние оказалось толщиной железной крышки.

На щите тянулись стрелки воздуховодов. Вентиляцию Степану когда-то объясняли на рисунке человеческих лёгких. Здесь же каждый вдох зависел от руки, которая решится повернуть задвижку.

Игнат посмотрел на Степана.

— Ты медик?

— Помощник.

— С травмой сдавления работал?

Степан вспомнил завал санитарного склада прошлой весной. Тогда он подавал Борису бинты и держал носилки. «Работал» — громкое слово для того, кто только и боялся уронить человека.

— Самостоятельно нет.

— Тогда без самодеятельности, — отрезал Игнат. — Слушаешь Леру и медиков. У нас сегодня и так слишком много умельцев.

Тимура почти не было видно. За решёткой двигался слабый круг фонаря, высвечивая железную раму и грязную ладонь. Степан присел на корточки у жёлтой линии, нарисованной на полу. Сразу захотелось переступить её — тогда и голос казался бы ближе.

— Тимур! Степан, из медиков. Я здесь. Слышишь?

— Слышу. Вас там уже человек десять? Или опять только обсуждаете?

— Пока двое. Нога сильно болит?

— Нет, нравится. Всегда мечтал шкаф ногой подержать.

Обиженно-дерзкий голос облегчал разговор. Степан ловил себя на том, что прислушивается не столько к словам, сколько к паузам между ними.

— Руку свободно двигаешь?

— Могу. Фонарь хуже. Сейчас совсем сдохнет.

— Не пробуй вытащить ногу сам. Раму уже поднимают.

— А я всё равно попробую. — Пауза. — Шучу. Тут даже шутить неудобно.

Саша, слесарь с широкими костяшками и светлыми ресницами, принёс клинья на куске ткани. Он остановился у решётки, узнал голос Тимура и невольно сжал губы, пряча улыбку.

— Когда вытащим, он нам ещё предъявит за плохое обслуживание.

— Саша, ты? — отозвался Тимур.

— Нет, комиссия по качеству ремонта. Ты нам инструмент вчера не сдал.

— Тогда уходите. Без меня не найдёте.

Рабочие коротко засмеялись — по одному, будто смех здесь тоже приходилось выдавать из резерва.

Винт домкрата шёл туго. Каждый оборот отзывался в металле глухим ударом. Степан следил за полоской света под рамой и за лицом Тимура: парень сначала отвечал быстро, а потом начал экономить слова.

— Слушай меня, — сказал Степан. — Про нашивку расскажи. Что у тебя на рукаве?

— Шестерёнка. Сам вышил. Только нитка жёлтая была.

— Похожа на солнце.

— Лера сказала — яичница.

— Она лучше меня разбирается в железе. Может, и в яичнице тоже.

Тимур выдохнул что-то похожее на смех. На другом конце коридора кто-то закашлялся. Из старого отвода тянуло гарью, а мокрая ширма прилипала к краю решётки. Лера подтянула её и показала рабочим, куда переставить клин.

— Ещё немного, — сказала она. — Тимур, не двигай ногу, даже если услышишь скрежет.

Степан вспомнил письмо Бориса во внутреннем кармане. Прежде чем приехать сюда, он представлял себе грузовую книгу и чужую подпись. Теперь каждое слово Тимура казалось важнее любых цифр. Он ловил не смысл ответов, а паузы между ними — живой человек ещё мог говорить.

— Зажим держит, — сообщил Саша. — Пошла рама.

Лера подняла мокрую ткань. Из щели выступила серая муть, и лампа за решёткой сразу поблекла.

— Ещё сантиметр. Тимур, руки к груди. Слышишь? Не трогай край рамы.

Степан просунул руку под полотнище и нащупал плечо Тимура. Кожа под курткой была горячей. Парень смотрел не на спасателей — в сторону боковой крышки. Он перестал шутить.

— Там опять скребётся.

Из щели выдвинулась голая лапа, слишком длинная для привычной крысы. Сустав изгибался под странным углом; толстые когти зацепились за жёлтый ремень на Тимуровом сапоге. Потом показалась морда: одна сторона челюсти выступала дальше другой, а под мокрой шерстью бугрились костяные наросты.

— Лера! — крикнул Степан.

— Вижу. Тимура по прямой, боковой люк не трогать!

Тимур попытался отдёрнуть ногу. Ремень натянулся, зацепленный когтем. Рама скрежетнула, прижав его сильнее. Парень закричал и уцепился в Степанов рукав.

— Оно меня тянет!

Лера одной рукой удерживала мокрую ширму, другой показывала Саше, где поставить второй клин. Ей оставалось два шага до Тимура, может быть три. Но Степан видел, как вытягивается ремень и как зверь тянется к открытой коже над сапогом.

На крышке бокового люка был фиксатор. Если чуть отвести крышку, ремень, возможно, сорвётся с когтя. Один короткий рывок — и Тимур свободен. Степан слышал предупреждение Леры. Помнил каждое слово. Он всё равно потянул фиксатор.

III

Засов поддался неожиданно легко. Степан успел почувствовать облегчение: ремень на сапоге ослаб.

— Назад! — услышал он голос Леры.

Крышка отъехала всего на ладонь. Зверь отпустил сапог и рванулся в освещённый проход. Он двигался рывками, слишком быстро для такого тяжёлого тела: длинные передние лапы выбрасывались из-под него, задние волочились чуть вбок. Мута-крыса ударилась о ящик с инструментами, опрокинула его, скрылась среди мешков. Из открывшегося канала повалило серое облако.

Степан втянул воздух и закашлялся. Саша шагнул наперерез зверю, задел страховочный клин. Тот со звоном выскочил из-под рамы. Домкрат просел, Лера навалилась на рукоять; Игнат успел подставить плечо под стойку. Тимур закричал уже без слов.

Степан захлопнул крышку. Свою руку он убрал поздно — железо прижало два пальца, боль прошила предплечье до локтя. Из-за кашля он даже не смог вскрикнуть.

— Клин сюда! Саша, под стойку, не под пятку! — Лера срывала голос, но её руки не дрожали. Саша нагнулся за клином и отшатнулся. Под перчаткой у него наливалась кровь: зверь успел полоснуть запястье тремя неровными рваными бороздами.

Тимур за решёткой кашлял, а в мешках снова завозилось. Игнат бросил туда тяжёлое покрывало и придавил свёрток инструментальным ящиком. Что-то под тканью раз за разом пыталось выпрямиться, цепляясь когтями за плитку.

Игнат захлопнул наружную дверь прохода. На платформе уже закричали. Люди метнулись к жилым коридорам, натыкаясь друг на друга.

— Назад! — Игнат перегородил путь. — Через жёлтую черту никто не ходит! Кто был в проходе — к санитарному шлюзу. Маски не снимать!

— Вы зверя выпустили! — закричали из толпы. — К детям пойдёт!

— Не выйдет отсюда. Вторая дверь закрыта. Отойдите от прохода!

Но никто не видел второй двери — только грязь, кровь и Степана, стоявшего с прижатой к груди рукой. Женщина схватила ребёнка за ворот, когда тот попытался выглянуть из-за ограждения. Дежурный заслонил запасной проход. Степан хотел сказать, что крыса под покрывалом. Хотел ещё много чего сказать. Ни слова не вышло.

Лера медленно распрямилась. У неё под мокрыми волосами белела полоска кожи. Она смотрела на домкрат, словно тот мог ответить за всё, что произошло.

— Клин на месте? — спросила она.

Саша кивнул, хотя, похоже, не сразу понял вопроса.

— Игнат, чистую смену сюда. Двух человек. Новую ширму — прежнюю в обработку. Степан, отойди.

— Там Тимур.

— Он по-прежнему там, — сказала Лера. — И мы его вытащим.

— Крыса была у него на плече.

— Я просила не открывать боковой люк. Ты услышал?

Степан кивнул. Он помнил, как услышал предупреждение. Помнил и собственную руку на засове. Всё остальное в объяснение не складывалось.

— Прости.

Лера отвела взгляд.

— Сейчас займись тем, что можешь не испортить. Сашей займись.

На повязке БРМ проступила серая полоса. Степан заметил её, только когда местный медик Марина вышла из лазарета с контейнером для заражённой одежды. Женщина не стала

выяснять, кто виноват. Она сразу поставила контейнер на пол и развернула пакеты с перчатками.

— В открытом люке кто был? Перечисли всех.

— Я. Саша. Лера, Игнат. Там ещё двое стояли. Смену сейчас назову.

— Имена через минуту. Пока — к шлюзу. Саша, руку выше. Молодой человек, покажите пальцы.

Степан разжал ладонь. Пальцы заметно распухли, ноготь большого наливался синевой. Марина коротко ощупала кисть, попросила пошевелить каждым пальцем и без всяких комментариев указала на пыль у его воротника.

— Переодеться, обработаться. В лазарет в этом не заходить.

— Я помогу с Тимуром…

— Сначала не занеси ему в рану то, что выпустил из канала. Потом посмотрим.

Степан подчинился. За спиной продолжал скрипеть домкрат. У дверей шлюза Саша остановился — словно вспомнил, что оставил там вещь.

— Эй, шестерёнка! — крикнул он. — Ты не вздумай от нас сбежать!

— Ага, — отозвались из-за решётки. — У меня выбор огромный.

Саша пошёл дальше, держа руку на весу. На бинт она ещё не была похожа — только кровь на перчатке и крепко стиснутые пальцы.

За шлюзовой дверью железо загрохотало так, что Степан остановился. Сейчас закричат, подумал он. Вместо крика донеслась Лера:

— Не гони! Я сказала — по миллиметру!

Лишь тогда Степан заметил, что его колотит мелкая дрожь.

IV

Тимура внесли в лазарет минут через двадцать. Степан узнал это по стуку колеса носилочной рамы ещё прежде, чем открылась дверь.

Носильщики никак не могли разойтись в узком проёме. Лера шла боком, поддерживая перевязанную ногу парня и ругаясь так привычно, словно они опять тащили упрямый станок через мастерскую. Жёлтая шестерёнка на Тимуровом рукаве промокла насквозь.

— Осторожно. Порог справа. Я сказала справа, не у потолка же он!

Марина сразу отвела раму в чистую часть. Степану досталась дверь: повреждённой рукой он уже не мог удержать даже чашку. Саша сидел за перегородкой с забинтованным запястьем и перекладывал игральные карты из одной стопки в другую. Раскладывал левой; правую держал на колене, неподвижно.

— Живой? — спросил он, увидев носилки.

— Будешь должен мне две смены, — ответил Тимур, не открывая глаз.

— За что?

— Ты сказал, я тебе инструмент разбирать буду. Теперь вместо меня сам.

Саша резко выдохнул, отвернулся к перегородке и сделал вид, что его чрезвычайно заинтересовала трещина в стекле.

Марина осмотрела освобождённую ногу, проверила, сохранилась ли чувствительность, и попросила другого медика наблюдать за давлением и мочеотделением: после долгого сдавления опасность не кончалась вместе с железной рамой. В коридоре ждали рабочие и родные. Стоило открыться двери, все вставали, но никто не получал обещания, что утром Тимур снова сможет ходить.

— Что с ним? — спросила Лера, когда Марина наконец сняла перчатки.

— Кости, похоже, целы. Это хорошая новость. А вот что будет с мышцами и почками после сдавления, увидим не сейчас. Ему нужен покой. И вам всем нужен покой, хотя вы и будете возражать.

— Последнее особенно обидно, — сказала Лера.

Лера села так тяжело, что табурет скрипнул. На рукаве у неё Степан заметил маленькую дырку с опалёнными краями; из-под тёмной ткани выглядывала красная подкладка. Она тёрла прожог большим пальцем, словно пыталась стереть сам день.

— Короб там ещё тлел. Я его закрыла, но если тяга пойдёт обратно, Игнату придётся убирать людей из жилых. А у него больше негде их класть.

— Он уже перекрыл мастерские, — ответила Марина.

— Мастерские ему простят. Жилые будут помнить дольше.

Лера поднялась с табуретки, но Степан окликнул её прежде, чем решился, что именно скажет.

— Я видел её совсем рядом с Тимуром.

— Я тоже видела.

— Он попросил…

— Попросил, — перебила Лера. — И я бы тоже попросила на его месте. Только за люком гнездо. Две недели мы закрывали щели, чтобы зверьё не лезло в мастерские. Сегодня ты одной рукой всё это отменил. — Она взглянула на перевязку. — Я не потому кричала, что приказ красивый.

— Тогда зачем вообще туда послали ребят?

— Уплотнение негодное. Поставили кусок старого ремня, пока привод держали на складе. Ждали новый узел, не дождались. А потом уже стало поздно ждать. — Она вздохнула.

— Тимур просит помощи так, будто ему помощь полагается по расписанию. Не удивляйся, что ты ему поверил.

У Степана дёрнулся угол рта. Он не смог бы объяснить, отчего эта фраза была чуть легче упрёка.

— Еду найди. Тебя сейчас трясёт сильнее, чем наш щит. К вечеру, может, ещё понадобишься.

За дверью лазарета его остановила женщина с маленькой шерстяной рукавицей в ладони.

— Вы из медиков? Мальчик два раза терял сознание. Нам велят ждать обхода.

Степан посмотрел на дверь. Марина работала с Тимуром, и оставить её сейчас было нельзя. Но женщина стояла неподвижно, будто от ответа зависело, сможет ли она вообще сделать следующий шаг.

— Я помощник медика. Покажите, где он. Врача позовём через дежурного.

В спальном отсеке пахло остывшей кашей и мокрыми одеялами. Воздух не двигался. На стене ещё висели старые стрелки, указывавшие к перекрытой вентиляции. Степан уже начал объяснять, что ребёнка нужно перенести под действующий приток, но остановился: после утреннего люка он не хотел снова уверенно указывать путь, которого не проверил.

— Дождитесь здесь, — сказал он. — Я узнаю у сменного, какой канал сейчас работает.

Перенос занял несколько минут; женщина шла рядом с носилками, не выпуская рукавицу. Марина осмотрела мальчика и оставила у дежурного. Ничего героического Степан не совершил — только на этот раз сперва проверил, что предлагает.

За перегородкой Саша раскладывал одной рукой карты. Заметив Степана, поднял забинтованное запястье.

— Не бойся. От твоих извинений второй раз не порежется.

— Я всё-таки хотел…

— Завтра. Завтра, может, захочу слушать. А пока найди колоду. Тут после переезда одни валеты.

Степан пообещал. Это обещание казалось ему нелепым и потому удивительно выполнимым.

V

К вечеру Электрозаводская почти вернула себе обычный вид. На торговых лотках лежал хлеб, у пилонов спорили о цене фильтров. Только над закрытой швейной мастерской болтался лист: «РАБОТА ПО РАЗРЕШЕНИЮ СМЕНЫ». Ниже углём приписали: «А ДЫШАТЬ — СКОЛЬКО?» Под исправной решёткой собрались семьи. Кто-то пытался спать сидя, кто-то пересчитывал капсы — круглые светлые таблетки с буквой «К». Степан заметил мужчину, отдавшего две таблетки за место поближе к воздуху. Получив деньги, торговец помял их в ладони и без слов уступил место женщине с ребёнком. У щита снова встретились Лера и Игнат. Старый мастер держал в руках истёртую деталь, похожую на сломанное колесо.

— Наш привод до завтра не дотянет, — сказала Лера.

— Если ночь пойдёт по плохой тяге, придётся отселять спальный коридор.

— Новый где? — спросил Степан.

— В транзитном складе на Большой кольцевой. За него осталось доплатить. Склад не отдаёт без гарантий.

— Но у вас авария.

— Склад об этом знает, — ответил Игнат.

— А ещё знает, сколько раз мы обещали рассчитаться после аварии. Пожилой мастер заговорил, не поднимая глаз от детали: — Старую втулку могу выточить. Станок на резервном питании ещё держится. Только мне нужен кто-нибудь помоложе на подхват. Игнат открыл рот, чтобы возразить, и закрыл. Потом подвёл к схеме карандаш.

— Попробуем без нагрузки. Пока новое не привезут. Лера, людей из первого спального предупреждайте заранее, а не в тот момент, когда дверь придётся закрывать.

— Я им сама скажу, — ответила она. Степан посмотрел на карту: мастерская, детский отсек, старый отвод и одна узкая линия притока, на которой теперь держалась жизнь станции. Там, где карта переходила на Большую кольцевую, рядом стояло два значка — грузовое окно и склад. Его след за украденными контейнерами вёл туда же.

— Грузовая контора где? — спросил он.

— Четвёртый пилон, налево. Роман, — ответил Игнат.

— И если вам потребуется архивный считыватель, не включайте его без разрешения смены. Нам сегодня каждый ампер нужен.

— Я сначала попробую без считывателя. Игнат посмотрел на его перевязанные пальцы и на мгновение отвёл глаза.

— Знаешь, пожалуй, это твоя первая хорошая идея за сегодня. Лера сунула Степану картонный талон на еду.

— Поешь по дороге. Дважды за день падать в обморок нам тут некуда. Горячая крупа пахла сушёным грибом. Он ел стоя, пока двое носильщиков везли раму с одеялами к действующему каналу. Письмо Бориса и выписка Анны всё ещё лежали под курткой, размокшие по краям от пота. Степан вынул их, разгладил на чистой стороне талона и сверил оба номера пломб. Он приехал искать их обладателя и за целый день почти забыл, насколько это страшный вопрос. Когда до грузового стола оставалось несколько шагов, за спиной раздался короткий скрежет. Степан вздрогнул, прежде чем понял: рабочие передвигают тележку. После старого отвода любое железо звучало для него иначе.

VI

Грузовая контора встретила тишиной. Одна лампа дрожала над столом, пачки карточек перетягивала бечёвка, три пустые рамы стояли у стены колесо к колесу. За дальним столом кто-то неспешно переворачивал листы. После коридоров со сдавленным воздухом этот шелест казался роскошью.

— За приводом — в соседнюю дверь, — произнёс мужчина, не поднимая глаз. — Жаловаться на задержку можно здесь, только нового бланка не дадим. Пишите на обратной стороне прошлого.

— Я от Бориса с Бауманской.

Мужчина поднял голову. Сначала посмотрел на бумагу в руках Степана, потом на шину из картона, которой Марина закрепила пальцы.

— Роман. Грузовой учёт. Про вас уже слышал. Скажите сразу: что-нибудь ещё открыть успели?

Степан покраснел и разозлился на себя за это.

— Больше не собираюсь.

— Это утешает. Садитесь, раз приехали.

Степан разложил письмо Бориса и выписку Анны, указал на два номера пломб. Роман сначала быстро пробежал глазами по строкам. Потом приблизил бумагу к лампе и прочёл ещё раз, задержавшись на датах.

— Через нашу станцию шло, — сказал он наконец. — Только не моими руками.

— Кто оформлял?

— Здесь вся загвоздка. Есть наш медицинский стол, наш грузовой. А за стеной — пересадочное окно Новой Риги. Две Электрозаводские, один заголовок на ленте. Когда аппарат печатает название, он не предупреждает, что речь о разных хозяевах.

— Тогда покажите ленту.

— Обесточили после аварии. И сам прибор сидит на той ветке.

— А минут на пять можно?

Роман повернул к нему настольную лампу. Та мигнула и снова загорелась.

— Вот эти пять минут и есть чужой свет. Игнат сейчас решает, что отключить, чтобы дети спали с воздухом. Включать без него я не стану. Есть другое предложение?

Степан уже приготовился спорить. Вспомнил собственные пальцы под повязкой и остановился. Весь день ему мерещились двери, которые мешают спасать людей. Одну он открыл.

— Ручной журнал. Если можно.

Роман достал тяжёлую книгу, положил поперёк стола и провёл ногтем по столбцу индексов. Степан сверял номера. Совпадение нашлось почти сразу — и почти сразу Роман поставил на него карандаш.

— Это по каким часам?

— Вашим, разве нет?

— По нашим мы читаем. А писали по каким?

— Здесь Электрозаводская указана.

— Которая, Степан?

Сравнивали старые местные часы, расписание пересадки и время передачи. Поправка набежала почти в сорок минут. Первая находка оказалась обычным подтверждением приёмки, вовсе не подозрительным опережением. Степан сам зачеркнул кружок, который успел поставить возле строки.

— Вы часто так ошибаетесь?

— Чаще, чем хочется признавать. — Роман перевернул страницу. — Поэтому и бумагу храним. Она меня не любит, зато помнит лучше.

В дверях появилась Лера. На допуске к архивному прибору была подпись Игната. Бумагу она держала двумя пальцами, точно что-то неприятное на ощупь.

— Десять минут. Ни секундой дольше. Щит просел — выключите сами. Я к вам с ключом бегать не стану.

Роман дождался, пока она выйдет, проверил лампу и включил считыватель через маленький блок. В комнате запахло горячей пылью. Аппарат заглотил катушку, долго кашлял и выплюнул бледную ленту. Степан потянулся к ней, но Роман успел придержать край.

— Осторожно, — сказал он, отталкивая Степана локтем. — Копию ещё не сделали.

— Я только посмотреть.

На ленте повторилась запись из Анниного журнала. Источник был обозначен всё тем же сбивающим с толку названием: «Электрозаводская. Медицинско-грузовой пост». Ниже, почти у обреза, шёл индекс.

ОП-4.

— Это пост?

— Общее пересадочное окно. Четвёртое. Оно на стороне БКЛ.

— Значит, запрос не отсюда?

— Подали его там. Кто именно — здесь не написано.

Утром «Электрозаводская» казалась Степану названием одной станции, где он получит ответ. Теперь оказалось, что нужные ему буквы с самого начала указывали за тяжёлую дверь, мимо которой он прошёл, спеша к аварии.

VII

Роман вынул последнюю полоску и задержал её против света. На обороте проступили вдавленные буквы: кто-то заполнял другой лист поверх старой копирки. Роман наклонил бумагу к лампе, пока Степан не различил обрывок строки.

— Вот это уже любопытно.

Под бледными отпечатками значилось: «Предварительная переадресация. Ожидает подтверждения». Строка получателя оставалась пустой.

— Что именно переадресовали?

— Пока ничего. Это резерв места под будущую партию. Груз может не прийти, заявку тогда закрывают.

— А получателя почему нет?

— Потому что пока никого не назначили. Так можно начать оформление. Закончить — нельзя.

Контрольные номера двух пломб совпадали до последней цифры. Не только номер партии — обе пломбы из Анниной накладной. Степан осторожно провёл по строкам здоровым пальцем. Казалось невозможным, что эти цифры, ради которых Семён истёк кровью, кто-то заранее ввёл в обычный грузовой бланк.

— Место им готовили, — сказал он.

Роман подвинул ленту ближе к лампе, но не кивнул.

— Запись готовили. А что они собирались делать с грузом — пока не видно.

— Человек в светлой маске проверял пломбы на конвое. Семён слышал номера. Откуда они у того, кто делал запрос?

— Ты это сам видел?

— Нет. Семён рассказал. Он раненый вернулся. Я слушал.

— Тогда так и запишем. — Роман подвинул чистый лист. — Если у тебя есть основания ему верить, они никуда не денутся. Только не ставь свою подпись под тем, чего не видел.

Степан сжал губы. Он уже слышал такие слова от Анны. И от Бориса. Почему-то легче было представить людей, у которых есть ответы, чем людей, которые не позволяют ему ошибиться в вопросе. Он опустил взгляд на собственную руку — пальцы заметно опухли под картоном — и продиктовал запись так, как видел и слышал.

— А теперь время, — сказал Роман.

Резерв создали после отправки конвоя с Курской, но до официального сообщения о нападении на Бауманской. Они ещё раз проверили поправку местных часов, потом время, заверенное Анной. Разница никуда не исчезла. Несколько часов. Семён в это время ещё добирался домой с раной в боку, или уже лежал на носилках; Степан не знал точно.

— Кто-то знал номера раньше нас.

— Да, — ответил Роман. — Но знать можно по-разному. Не будем за того человека дорисовывать остальное.

— Тогда что у меня на руках?

Роман прикрыл ленту чистым листом, чтобы края не свернулись.

— ОП-4. Два номера пломб. Предварительная переадресация без получателя. На стороне БКЛ есть журнал, где должно быть указано, чей допуск использовали. Только там и можно проверить, кто оставил след.

— Значит, завтра туда.

— С письмом Бориса у тебя есть основание попросить доступ. Но в одиночку не пройдёшь: после сегодняшней аварии сопровождение обязательно.

Степан спрятал заверенную копию. Хотелось назвать это очередной закрытой дверью, но рука под повязкой напоминала, чем закончилась попытка открыть другую силой.

Роман убрал оригинал в металлический ящик. На соседнем стеллаже Степан заметил старый корпус вентиляционного привода, накрытый брезентом.

— Лера говорила, новый привод у Новой Риги.

— На транзитном складе. Остаток платежа не внесён. Без гарантии выдачи не будет, даже аварийной.

— А дети будут спать под одной решёткой?

— Мне это тоже не нравится, — сказал Роман. — Но если мы сегодня сорвём пломбу их склада, завтра нам не отдадут ни кабеля, ни соли. Обе станции останутся без поставок.

Степан посмотрел на свои записи: пропавшие лекарства и привод для людей, которым не хватает воздуха. Они сходились у одного перехода, но это ещё не делало их одним делом.

— Значит, у меня две просьбы.

— Две, — подтвердил Роман. — Не превращай ни одну в угрозу. И ни под какой из них не подписывайся за чужого человека.

VIII

К ночи под сводами загорелись редкие плафоны. Свет ложился кругами, не доходя до соседней колонны. Степан прошёл платформу от одного освещённого пятна к другому. Вентилятор у детского отсека ещё вращался, но гул иногда проваливался на целый удар сердца. Всякий раз Степан невольно задерживал дыхание.

Тимур спал под тонким одеялом. Перевязанная нога лежала на валике; мокрый рукав с жёлтой шестерёнкой сох отдельно. Марина вносила показатели в карточку при свете переносной лампы. Саша за прозрачной перегородкой раскладывал карты — упрямо, одной здоровой рукой.

— Нашёл? — спросил Саша вместо приветствия.

Степан положил перед ним потрёпанную колоду. У водяного поста он выменял её на запасной карандаш, который долго берег для записей.

Саша открыл коробку и довольно присвистнул.

— Даже короли. С моими двумя тузами и четырьмя валетами я уже самого себя обыгрывал.

— Вы себя как чувствуете?

— Скучно. Рука ноет. Марина велела сидеть, пока ей не надоест на меня смотреть. Сказала, если начну ныть, переселит к Тимуру.

— Тогда лучше терпеть.

Саша прищурился.

— Видишь, — сказал Саша. — Можешь, если захочешь.

Степан смотрел на бинт. Ему казалось, Саша ждёт извинения, и одновременно он боялся, что тот уже не ждёт ничего. В старом отводе всё заняло секунду. Одна рука повернула засов — и теперь на этом бинте оказалась чужая кровь.

— Люк открыл я. Лера предупреждала. Я слышал.

— Знаю, — сказал Саша.

— Прости, что досталось тебе.

Саша перебрал карты здоровой рукой. Одну уронил и не стал поднимать.

— Мне тоже не нравится. Работа у меня руками, если ты заметил. — Он кивнул на стул. — Садись уже. Будешь долги возвращать.

Партия получилась короткой. Степан дважды перепутал правила; Саша объявил это мошенничеством, потом решил, что перед ним просто безнадёжный игрок. Когда Марина велела гасить свет, Саша сунул карты под подушку с быстротой человека, который боялся лишиться последней собственности.

Лера с Игнатом стояли у карты переселения. Повреждённый канал оставался закрытым, а пожилой мастер собирался проверить втулку без нагрузки. Никто не обещал, что к утру вентиляция заработает лучше.

— К Роману сходил? — спросила Лера.

— Да. Нашёл след на БКЛ. Завтра пойду через переход.

Лера посмотрела на его руку.

— Если там будут говорить о долге за привод, напомни: нам нужно не прощение долга, а возможность дышать до расчёта. Игнат заявку подготовит.

— А вы сами почему не идёте?

— Потому что кто-то должен остаться здесь и держать этот старый хлам в живых.

У перехода висела схема двух Электрозаводских. Короткий штрих соединял соседние платформы, но посредине стояла красная черта — за ней начинались посты Новой Риги. Степан невольно вспомнил Бориса: две станции, два хозяина, две разные правды о грузе.

В кармане лежала заверенная лента ОП-4: два номера пломб, время предварительной переадресации, пустая строка получателя. Человек, подготовивший запись, знал их до того, как на Бауманской узнали о нападении. Больше Степан не мог утверждать ничего.

Он остановился под слабой потолочной решёткой. Сквозняк едва шевелил нижний край объявления. После утреннего люка Степан вдруг понял, как много значит такая малость: воздух, который просто идёт туда, куда должен.

За стеной, на чужой территории, его ждала запись с чужим допуском. Он не собирался называть виновного раньше, чем увидит подпись.

Глава четвёртая. Чужой допуск

I

На Электрозаводской Большой кольцевой линии Степан первым делом услышал удар колокола.

Не тревожный — грузовой. Два коротких удара, затем длинный. Толпа у перехода расступилась, и между торговыми рядами проехала низкая электрическая платформа. На ней стояли клетки с живыми курами, ящики с фильтрами и целая башня аккуратно перевязанных рулонов ткани. Водитель сидел боком, одной рукой держал рычаг, другой ел яблоко. Перед платформой шёл охранник в бронежилете и отгонял покупателей от рельсовой дорожки.

На старой Электрозаводской, по другую сторону перехода, Игнат вчера запретил запускать даже лишний станок. Здесь горели все лампы. Под потолком работали грузовые подъёмники, в витринах блестели импортные фонари, а за стеклом обменной лавки люди выкладывали капсы — круглые таблетки с буквой «К» — и получали жетоны Новой Риги. Степан невольно подумал о семьях, дремавших возле единственной работающей вентиляционной решётки. Между двумя мирами было меньше сотни шагов.

— Пропуск.

Охранник на границе протянул руку. Степан показал удостоверение БРМ и письмо Бориса. Дежурный сверился с допуском сопровождающего, придвинул медицинскую сумку носком ботинка и спросил, есть ли оружие. Получив отрицательный ответ, велел не уходить из разрешённого грузового сектора.

Степан уже проходил мимо расчётной стойки, когда молодой перевозчик на глазах у очереди снял с ремня жестяной знак и швырнул его на прилавок.

— Мой пропуск у вас лежит! — крикнул он. — Я сдал его три дня назад. Как мог им вчера пользоваться?

Женщина за стеклом произнесла что-то про подозрительную отправку. Молодой человек ударил кулаком по стойке. Охранник немедленно положил руку на оружие.

— Мартов, отойди.

Парень обернулся. На вид ему было немногим больше двадцати. На шее виднелся след от грубого воротника, на левой ладони — свежая натёртость, будто он долго держался за мокрый канат.

— Мне некуда отходить. В караван не берут. Залог заморозили. Сестра дома думает, я опять работу прогулял.

— Отойди, — повторил охранник, уже тише.

Парень подчинился. По дороге он задел Степана плечом и бросил раздражённо:

— Если вы из тех, кто пришёл за лекарствами, то сразу скажите, в чём меня обвиняете.

— Пока ни в чём, — ответил Степан. — А вы откуда знаете про лекарства?

— Здесь уже все знают. Два контейнера пропали, а кто-то оформил под них место моим номером. Им удобно, когда виновный стоит рядом с окошком.

Степан почувствовал, как под повязкой заныли пальцы. Вчера на старой Электрозаводской он тоже был уверен, что знает, какую дверь нужно открыть. Чужая кровь очень быстро исправила эту уверенность.

— Меня зовут Степан. Я с Бауманской. Меня прислал Борис.

— Матвей, — сказал парень. — Это вы уже слышали.

И прежде, чем Степан успел спросить о пропавшем грузе, Матвей вдруг посмотрел за его плечо.

— Вон. Видишь? Опять увозят.

В дальнем конце грузового зала по отдельной дорожке двигалась порожняя платформа. Над ней красовалась новая надпись «СЛУЖЕБНАЯ ОЧИСТКА». По бокам лежали две длинные металлические рамы — не груз, а приспособления, которыми тяжёлые контейнеры закрепляли на ходу. Они казались совершенно обычными, пока Степан не заметил, что на каждой ещё не высохли полосы свежей чёрной краски.

— Что увозят? — спросил он.

— То, из-за чего меня выгнали. Я эти рамы уже видел. Только вчера на них ещё были метки, куда отправлять. А сегодня закрасили.

— Какие метки?

— Сокольники. Большое кольцо. Два места. Если я вру — проверь сам.

Платформа скрылась за поворотом. Степан хотел броситься следом, но на плечо ему легла чья-то ладонь.

— Не советую бежать вдоль грузовых путей. Здесь за это сначала сбивают с ног, а потом спрашивают пропуск.

Перед ним стояла женщина с медной шпилькой в тёмных волосах. В руке она держала карандаш и узкий футляр для контрольных пломб.

— Вера, — представилась она. — Грузовой архив. Я знаю о запросе ОП-4, который вы проверяли с Романом. Пойдёмте не к столу. Покажете, что именно заметили.

II

Вера провела их через рынок. У Новой Риги здесь продавалось всё, что не помещалось в чужих рассказах о ней: радиолампы в коробочках с дореволюционными надписями, тёплые лепёшки, обувь из автомобильных камер, сменные фильтры, дешёвые респираторы и дорогие, на которые бедняки даже не смотрели. За один хорошо очищенный фонарь просили столько жетонов, сколько Матвей, по его словам, зарабатывал за несколько смен.

У торговки с пучками зелени Степан заметил женщину с двумя детьми. Младший смотрел на висящие под сводом лампы, старшая девочка считала капсы на ладони матери. Продавщица добавила к покупке маленький лист салата бесплатно и тут же строго предупредила: в следующий раз платить полностью.

— У вас богатая станция, — сказал Степан.

— У нас дорогая станция, — поправила Вера. — Это не одно и то же.

Перед сортировочной висела карта перевозок. На ней линии пересекались не там, где Степан привык видеть пересадки. Красные стрелки показывали, где можно вести тяжёлые платформы, белые — где приходилось перегружать руками. Часть переходов была перечёркнута: заражение, обвал, отсутствие охраны. Грузовой маршрут иногда оказывался длиннее пешего в несколько раз.

Матвея остановили у сетчатого ограждения.

— Грузовые операции запрещены. Знак сдан.

— Я не собираюсь ничего везти, — ответил он. — Я знаю, где ваши пропавшие рамы.

Охранник не уступил. Вера прошла с ним к старшему смены, обменялась несколькими словами и вернулась.

— Внутрь его не пускают. Но если найдём основания считать, что он говорит правду, поговорим здесь, при всех. Ты, Матвей, останься у решётки.

За ограждением громыхали железные колёса. Огромные крюки на потолке шли по рельсам, грузчики перекрикивались через ящики. Один рабочий вёл платформу с мешками, пахнущими хлоркой; другой предупреждал его не задеть санитарный рукав. Здесь любую ошибку слышали сначала по железу, а уже потом по человеческому крику.

У дальней стены стоял пустой вагончик для транспортных рам. На полу его белели два прямоугольника, обведённые мелом. Рядом лежали свежие деревянные прокладки — слишком толстые для обычной тары. Рабочий с кувалдой уже взялся за первую.

— Постойте, — сказала Вера.

— Вагон разбираем. Смена заканчивается.

— Кто велел?

— Сортировочная. Место пустует, а нам под хлеб некуда поставить платформу.

Вера показала Степану на прямоугольники.

— Здесь вчера стояли две рамы. Но это место отправления, не прибытия. Даже если рамы готовили для ваших ящиков, сами контейнеры мы здесь не видим.

— Матвей сказал про Сокольники.

— Он мог видеть надпись. Ещё он мог ошибиться. Пойдём посмотрим на то, что осталось.

Под деревянной прокладкой выступал край металлического крепления. Степан присел. На внутренней стороне сохранилась короткая полоса синей эмали, а возле отверстия — едва заметная выщербина. Похожую синюю краску использовали на медицинских контейнерах БРМ; Степан видел её в описаниях Бориса. Он уже потянулся потрогать, но Вера перехватила руку.

— Не надо. На вашем складе ящиков с синей краской сотни. Мы ищем не красивое совпадение.

Степан выпрямился. За последние дни он научился ненавидеть эту фразу — и всё-таки понимал, почему она необходима.

— Если их только готовили, зачем теперь всё разбирать?

— Задай этот вопрос тому, кто отменил работу.

Словно услышав её, из боковой двери вышел мужчина в сером плаще поверх рабочей куртки. Он не выглядел важным: мокрый воротник, усталые глаза, чёрная краска на пальцах. Но двое рабочих немедленно уступили ему место.

— Разобрать до следующего рейса, — сказал он. — Нечего держать вагон пустым. За простой кто заплатит?

— А кто платил раньше? — спросила Вера.

Мужчина только теперь заметил её.

— Грузовой архив тут при чём?

— При том, что два места держали занятыми, хотя на них ничего не поставили. Когда заказали рамы и куда они должны были уйти?

— Сначала покажите разрешение вмешиваться в работу.

— А вы покажите, кто велел их закрасить.

Мужчина взглянул на Степана и вдруг перестал отвечать. Вместо этого подошёл к рабочему у рычага и коротко сказал ему что-то на ухо.

Зазвенел предупредительный колокол. Порожний вагончик качнулся.

— Он же без сцепки! — крикнул кто-то.

Платформа дёрнулась и медленно покатилась к уклону, где за воротами шёл рабочий состав. Вера рванулась к красной рукояти остановки, но мужчина в плаще оказался ближе и заслонил её собой.

— Отойдите. Сейчас уберут.

— На уклоне не уберут!

Колёса ускорялись. Один грузчик бросился к вагончику, попытался зацепить его крюком и едва не упал под настил. Степан увидел, что дальше на путях стоят носилки: двое санитаров собирались пропустить через сортировочную лежачего больного. Они ещё не понимали, что к ним несётся пустая платформа.

Степан побежал к ограждению и закричал:

— С пути! Уберите носилки!

Санитары обернулись. Один потянул раму на себя, второй схватился за ручку, и колесо заклинило в стыке настила. Они застряли прямо перед воротами.

Вера ударила локтем мужчину в плаще, освободила рукоять и повисла на ней всем весом. Ничего не произошло.

— Силовой тормоз снят! — донеслось от рабочего.

За решёткой Матвей с такой силой ударил ладонью по прутьям, что Степан вздрогнул.

— Слева запасной клин! Под зелёным ящиком! Его надо вставить перед стрелкой!

Он говорил быстро, но не путался. Степан увидел зелёный ящик у стены, за ним — длинный стальной башмак. С повреждённой рукой тащить его было невозможно. Он крикнул ближайшему грузчику и указал на ящик. Тот подхватил башмак, побежал к стрелке и присел у рельса. Степан встал у поворота, перекрывая путь случайным людям, и загнал к санитарной двери женщину с корзиной.

Колёса вагончика уже стучали по стыкам так часто, что отдельные удары слились в треск. Грузчик сунул башмак к головке рельса и отпрыгнул. Железо взвизгнуло. Платформу развернуло боком, она ударилась в отбойник и остановилась в нескольких шагах от санитаров.

На мгновение грузовой зал притих. Затем кто-то выругался, и разом заговорили все.

Степан присел возле носилок. Под одеялом лежала пожилая женщина; от страха она стиснула зубы и не отвечала на вопросы, но дышала ровно. Санитар, пытавшийся сдвинуть закли-

ненное колесо, рассёк ладонь. Степан обработал порез, попросил другого рабочего отвести людей от рельсов и только после этого выпрямился.

Мужчины в плаще уже не было.

— Куда он делся? — спросил Степан.

Вера стояла у рукояти остановки. На её ладони виднелась красная полоса от металла.

— Ушёл за мастерские. Охрана пошла следом. Я не знаю, кто отключил тормоз. И пока не знаю, было ли это сделано специально.

— Но он пытался не пустить вас к рукояти.

— Это я видела. И этого уже достаточно, чтобы его опросили.

Вера оглядела искорёженный вагончик. Две металлические рамы вылетели наружу. На одной треснула свежая чёрная краска, и под ней проступили крупные белые буквы.

«СОКОЛЬНИКИ БКЛ».

Степан нагнулся. На торце рамы под слоем краски остались две узкие металлические бирки. На каждой были выбиты цифры. Он достал из внутреннего кармана выписку Анны — ту самую, с номерами пломб пропавшего груза. Сверил один, затем другой. Совпадали оба.

— Вера. Смотрите.

Она присела рядом, прочитала цифры и неожиданно долго молчала.

— Теперь мы знаем, что рамы готовили под груз с этими номерами, — сказала она наконец. — Но не знаем, поставили ли его на них. Бирки могли закрепить ещё до отправления конвоя. Это важно различать.

— И кто-то потом закрасил их.

— Да. А зачем — ещё предстоит выяснить.

— Теперь Матвея можно позвать, — сказала Вера.

III

Матвей пришёл через служебную калитку с охранником. Он не смотрел на распростёртые рамы. Сперва подошёл к санитарам и спросил, все ли целы. Увидев перевязанную ладонь, виновато поморщился, словно клин в рельс вбивал лично он.

— Ты говорил, что видел эти рамы вчера, — сказала Вера.

— Видел. Они стояли на возвратной тележке. Два места держали под груз, которого не было. Водители ругались: им велели возвращаться порожняком, пока другие рейсы ждали.

— Кто велел?

— Сменный распорядитель. Его фамилии не помню. Заказ передали через четвёртое окно. Я тогда ещё подумал: странно платить за воздух, когда вокруг за каждую ладонь настила дерутся.

— А после того как стало известно о нападении? — спросил Степан.

— Место продолжали держать. Это я точно помню. Мы должны были ставить туда фильтры, а нас развернули. Я от злости пнул колесо. Вот это, — Матвей указал на вмятину в одном из кронштейнов. — Начальник тогда полсмены орал.

Степан опустился на корточки. Вмятина была настоящая. Он провёл рукой рядом, не касаясь металла, и впервые за два дня ощутил, что преследует не строчки в бумагах. Вот грузовой узел, который люди собирали своими руками. Вот работа, которую кто-то приказал отменить. Вот место для двух ящиков, ради которых был разгромлен конвой.

Но самих ящиков здесь не было.

— Почему ты не рассказал сразу? — спросил он.

— Кому? — Матвей резко повернулся. — Меня вчера не слушали даже тогда, когда я показывал, что свой допуск сдал. Потом начали спрашивать, где спрятал лекарства. Я грузчик, не следователь. У меня до этого была работа.

— А теперь?

— Теперь я им ещё и вагон остановил. Бесплатно. Знак всё равно не вернут.

Вера присела возле металлической рамы и указала на узкий паз, в который вставлялся фиксатор.

— Под такую оснастку действительно могли закрепить два медицинских контейнера. Но и два технических ящика похожего размера. Доказательство не в размере. Доказательство — в том, что эти места были заказаны заранее и не освобождены после нападения. Нам нужен человек на принимающем конце, который видел заказ своими глазами.

Степан хотел спросить, не проще ли снова открыть реестр. Но прикусил язык. Он уже увидел то, ради чего приехал: кто-то подготовил путь, не имея груза. Теперь ему нужен был человек, который эту подготовку видел с другой стороны.

— Я знаю, где это искать, — сказала Вера. — И сначала проверим твой допуск, Матвей. Это займёт меньше времени, чем тебе сегодня пришлось простоять у окна.

В узком служебном помещении рядом с грузовым шлюзом стоял запечатанный ларь с изъятыми пропусками. При охраннике Вера велела поднять пластину Л-семнадцать. На углу сохранилась синяя царапина. Матвей узнал её сразу: когда-то задел пластину тележкой. Пломбы на ларе были поставлены ещё до спорной перевозки.

— Ваш номер кто-то использовал через временный допуск, — сказала Вера. — Настоящий всё это время лежал здесь. Значит, обвинять вас в той операции нельзя. Кто получил временный, мы пока не знаем.

Охранник пригласил Матвея на повторную проверку. Вера задержала его у двери.

— Снимут обвинение по этому рейсу и разблокируют залог. Но отказ от той перевозки, из-за которой ты лишился места в караване, никто сейчас не отменяет.

— То есть всё равно без работы, — сказал Матвей.

— Пока да.

Он молча кивнул. Степан не стал говорить, что справедливость восторжествовала. На ремне Матвея по-прежнему не было знака, а впереди оставалась смена, за которую ему никто не заплатит.

— Почему вы отказались от того рейса? — спросил Степан.

Матвей бросил взгляд на свои ладони.

— Погрузили мешки, написали «металлолом». А из-под ткани шёл химический запах. У грузчика рядом глаза слезились, он не мог дышать. Хотели отправить без санитарной проверки. Я вспомнил, как зимой знакомый после такой перевозки неделю кашлял чёрной слизью. Не повёз. Теперь мне рассказывают, что я ненадёжный.

— Это связано с нашими контейнерами?

— Понятия не имею. И не стану придумывать тебе красивую историю. Я просто не захотел везти неизвестную дрянь.

Степан почувствовал к нему уважение именно за последние слова.

IV

Вечером станция казалась той же, что утром, только люди шли быстрее: каждый хотел успеть до закрытия переходов. Между торговыми рядами пахло лепёшками и пылью от работающих двигателей. За витриной продавец раскладывал по размеру фонари. У грузовых ворот дежурила другая смена; разбитый вагончик оттащили в отдельный карман, и рабочие собирали разлетевшиеся детали.

Степан нашёл Веру возле поста связи. Она держала в руках маленькую карточку с названием станции и именем дежурного резервной площадки.

— Сокольники БКЛ, — сказала она. — Вот человек, который сможет показать, кто готовил приём. Не факт, что он согласится говорить с вами без разрешения, но другого адреса пока нет.

— Он видел контейнеры?

— Не знаю. И не обещаю. Мы видели две рамы, предназначенные для этой площадки, слышали рассказ Матвея о простое и убедились, что его допуском воспользовались без него. Но отметки о прибытии груза у нас нет.

— А когда места заняли?

— До сообщения о нападении. Это подтвердили две разные смены. И после известия резерв не сняли. Теперь в Сокольниках нужно узнать, кто распорядился держать его дальше.

Степан повертел карточку в пальцах. Наконец у него был вопрос, который можно задать живому человеку, а не машине с регистрационной лентой.

— Вы уверены, что сегодня кто-то хотел уничтожить след?

Вера посмотрела на покрасневшую ладонь.

— Я уверена, что мужчина мешал мне остановить вагон. За что именно он отвечал, разберётся контроль. Но я бы не говорила, что нас пытались убить ради двух контейнеров. Мы этого не знаем.

Степан кивнул. Вера помолчала, затем добавила:

— Есть ещё просьба. На старой Электрозаводской всё ещё ждут вентиляционный привод. Я успела узнать: на нашем транзитном складе он есть, но за него не выплачен остаток. Просто забрать его нельзя. Можно потребовать срочной выдачи под медицинское подтверждение. Свяжемся с вашими прямо сейчас.

Из переговорной трубы ответил Игнат. Сквозь помехи слышался скрежет какого-то механизма: на старой станции, судя по всему, продолжали чинить вытяжку.

— Ночь выдержим, — сказал он. — Дальше гарантий нет. Марина готовит медицинское заключение. Лера со сменой работает на обходном канале.

Вера передала дежурному сведения об аварии и добилась, чтобы заявку поставили впереди обычной очереди. Сам привод не выдали; решение должен был принять склад. Но теперь по нему обязались дать ответ утром.

— Вы могли бы просто приказать, — сказал Степан, когда связь отключилась. — Люди у нас задыхаются.

— Не могла бы. И если я скажу обратное, завтра другой человек решит, что можно так же забрать ваши лекарства. Здесь всё держится не только на добрых намерениях.

Он хотел возразить. Вспомнил об аварийном вагончике и о том, как легко один человек может решить за другого, сколько стоит его безопасность. Спорить не стал.

У расчётной стойки Матвей уже собирался уходить. На листке, который он держал, появилась синяя отметка: обвинение по спорному рейсу снято. Знак ему так и не вернули.

— Едешь на Сокольники? — спросил он.

— Утром.

— Тогда не спрашивай сразу, где ящики. Найди того, кто держал под них место. Перевозчик может забыть десяток одинаковых грузов, но простоя из-за двух пустых мест не забудет.

— Я это запомню.

Матвей протянул ему руку. Степан подал здоровую.

— Сегодня ты остановил платформу, — сказал Степан.

— Я только вспомнил, где лежит клин. Остальное другие сделали. Неплохая вещь — когда все делают своё дело.

За переходом воздух стал теплее и тяжелее. На старой Электрозаводской Лера с Игнатом проверяли обходную тягу. Рабочий возле решётки держал ладонь перед струйкой воздуха, как перед слабым огнём. Степан передал сведения о срочной выдаче привода и спросил, как Саша. Лера ответила, что рука у того на месте, а карты он прячет под подушкой от санитаров.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.